

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 4 (14)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 4 (14)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 4 (14)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

**«На вечерней заре». Глава из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924***

Комментарии *Е.Р. Обатниной*

Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Аннотация: В публикации представлено продолжение рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), основанной на его письмах к жене, С.П. Ремизовой-Довгелло. Глава, посвященная 1924 году, содержит сюжеты жизни писателя, связанные с проблемами его ассимиляции в парижской диаспоре. Переписка с женой фиксирует имена ближайшего дружеского окружения Ремизова, хронику создания его произведений, характер взаимоотношений с эмигрантскими издательствами, переводчиками, представителями французской литературы и славистики. Историко-литературный комментарий к главе дополняет контексты рукописи редкими архивными материалами, которые впервые вводятся в научный оборот, а также содержит обширную научную библиографию, отражающую современный уровень изучения упомянутых в тексте Ремизова реалий его личной жизни, творчества и исторического процесса. В приложении помещены подлинники письма Ремизова, что дает возможность оценить приемы трансформации эпистолярных документов в творческую рукопись и проанализировать авторскую стратегию Ремизова в работе над автобиографическими произведениями. Публикация иллюстрирована редкими архивными материалами.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярное наследие, архивные материалы, история эмиграции.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urupina1409@gmail.com

Цитирование: Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / Комментар. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

Глава из незавершенной рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре»* публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея [далее ГЛМ]. Ф. 156. Оп. 2. № 299) с преимущественным сохранением авторской пунктуации и некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1924 г. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), подвергшиеся редактированию в составе рукописи в 1945–1948 гг. Оригиналы собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницах которой писатель подклеил пейзажные открытки, связанные с поездками, а также оставил отдельные пояснительные надписи к хронологии 1924 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания в тексте выделены курсивом.

5. XI Берлин

5–6 Кёльн

6–7 Paris Hôtel Troyon

7–16 22 Rue de la Faisanderie XVI

16–17 15 Rue Delambre, Hôtel des Ecoles XIV

17–27 48 Rue de Passy, Villa du Vieux Jeanlin<e>, XVI

27.XI–25.II 59 Rue Chardon-Lagache XVI, 3 étage à droite dans la cour¹

С 26.II.1924

120 bis l'Av. Mozart, 5 Villa Flore, XVI

(до нас японец Y. Akamomatsu)²

17.VII–27.VII Mme. Fleury Kerbellec, Le Clion s/m L.I.³

11.VIII–23.VIII Praga

12.VIII–17.IX Карлсбад⁴

11–12.IX Eger⁵

ПАРИЖ

1924

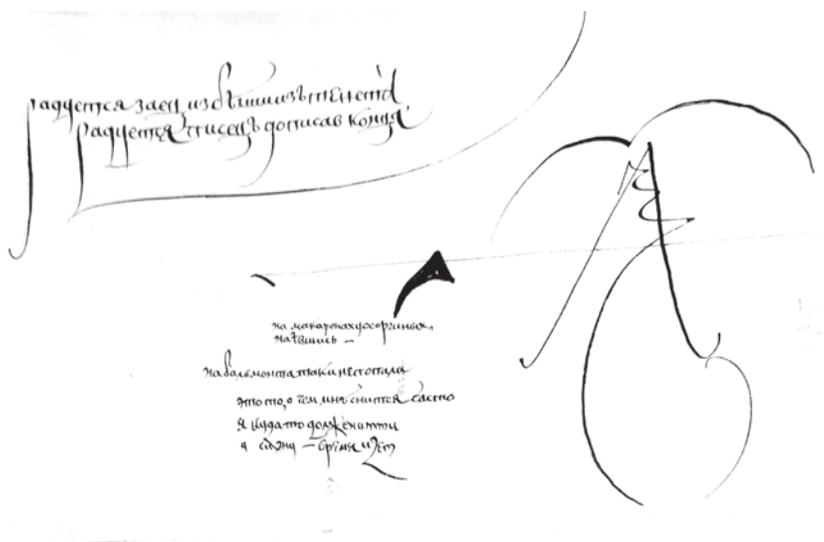
* См. предшествующие главы: «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67; «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Там же. 2019. № 11. С. 36–91.

Paris 1924
февраль
Chardon Lagache
Paris XVI
<44>

«Радуетя заец, избегши из тенетá, радуется писец, дописав конца»⁶.

На макаронах у Осоргиных⁷, наевшись, на Бальмонта так и не попали⁸. Это то, о чем мне снится часто: будто я должен идти, а сию, а время идет.

Обезвелволпал⁹.

На вечерней заре. 1924 г. Фрагмент рукописи
(«радуется заец избегши из тенетá...»). ГЛМ

Paris 1924
февраль
№ 45

1) Поставь воду, чтобы закипело; 2) поставь кофейник, чтобы булькнуло несколько раз; 3) из кофейника перелей в Карлсбадский¹⁰, кофе я положил; 4) а из чайника кругом кипятком. Вот и готово. 5) Мало скипятил, только подогреть.

У доктора Аитова от 1½–2 ч<асов>¹¹.

Paris 1924
 17 июля
 120 bis Av<енue> Mozart
 5 Villa Flore
 Paris XVI
 № 46

*Jeanne Huguenet-Fleury, Villa Kerbellec Le Clion s/m
 (Loire Intériense)*¹².

Вот и письмо начинаю — дождик-дождик. И 10-и нет, а как хочется спать. Днем не удалось. Была Miss Harrison [переводчица Жития Аввакума]¹³. Замучил ее чтением, да и сам надсаживался: вот задремлю. Заходила Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина¹⁴ за маслом: масло я ей отдал и в придачу сыр тот — «ты его только что [недели три назад] купила, а есть нельзя: острó».

Два письма: тебе и мне от родителей В.А. Залкинда¹⁵; 22-го уезжают. Попрошу их в субботу в 5–5¼. И еще письмо мне, подпись не могу разобрать, привез он что-то для тебя от Люб<ови> Як<овлевны> Яппу [Залкинд]¹⁶, да ему сказали, что я уехал в Америку. Так и я не сочиню¹⁷. «Неизвестного» попрошу в понедельник (21-го) в 6 ч<а-сов> в<ечера> после Miss Harrison.

Книги занес в Ecole [Ecole des langues orientale]¹⁸. Выпил кофею с круассанами. Отдал дураку твои туфли. Прибрался — ничего лишнего ни на стене, ни на стульях. Написал Лоллию¹⁹ и С.Я. Осипову (Берлин)²⁰ и André Pierre'y²¹.

Посылаю вырезку о Карлсбаде. Нет, раньше ехать нам страшно: а ну-как бесплатной комнаты не дадут? Куда? И большие цены. В крайнем случае, конечно, можно и не 4 недели²².

Залкиндам²³ скажу, что ты поехала на разведки: чтобы потом «меня привезли на океан»²⁴.

Miss Harrison мало что поняла из моего чтения. Неудивительно, и как она это слушала? В 12-ь проводила в Лондон Норе Mirrlees²⁵; и вышла заминка: Mirrlees билет дома забыла, пришлось возвращаться, и к поезду едва-едва поспела. Сколько было волнения!

Письмо мое пустое, мысли мои сонные, а на душе тревога. Ей-Богу же, не от еды я устаю так, а от бурлящих, раздирающих меня дум. [Странно, про «еду», а должно быть кому-то отвечаю, но какому дура<ку>, не помню]. Только подумай: 1) весной изводяще скучал по Германии; 2) как от молитвы бес, так я оттолкнулся от здешних (эмиграции); 3) и возмущение марксистско-материалистскими указаниями; 4) вся душа за расплату. [Потом напишу письмо

Достоевскому, там будет этот мотив: «с бомбами на Конкорд»²⁶], всем и дуракам, и умникам — тупые машинные плямки!²⁷

Горящий клубок мыслей, молчаливых и невысказанных.

Вот «покорный»: всё принять, всё вынести, как судьбою положено; и в то же самое время этот «покорный»: ничего не приму, ничему не могу подчиниться и никакая судьба мне не указ; да скорее пальцем не пошевелю или на зло буду делать наоборот. Это мое, так я чувствовал и чувствую.

А вот не мое, вспоминаю наше недавнее — 19–20–21 годы, Петербург: один «высокой морали» отказался от «Академического пайка»²⁸, Горькому письмо написал, честь-то какая! А отказался он от «пайка», — «потому что жена хороший получает». И потом он везде, подняв голову, заявлял: «могу гордо и с правом обо всем говорить!» — «Честные люди» подозрительны, и тянет к «грешным» — бесхитростно, к этим, что морду не задерешь: пойман с поличным. По-моему, у «грешных» всегда тепло, это «грех» теплит. Вот еще богатых не люблю, им всё некогда. Да богатый не рассядется. И всё это на веки нерушимые, ничем не переделаешь.

Так у меня всё и крутится, отгалкиваясь: хочу-не хочу, воровство и праведность, честь и «подлец». Да, взять бомбу, трах! — и всё кончилось, без концов. [Это будет потом в «Письме Достоевскому»].

«Жить духом»? Да можно ли жить на земле «духом»? Я только хочу жить не по-людски. И только чудом, только чудо поддержит как-нибудь «не по-людски»-то прожить на земле. Но разве пожелаешь кому-нибудь такой жизни?

До свидания. Смотри, как там — Океан! Купайся, не беспокойся. Мне только бы успеть сделать всё. Тогда я поправлюсь — освобожусь. Обид много — несправедливости и жалости — сердца не хватает.

гш)ф9)ооф9ооГ²оо

На вечерней заре. 1924 г.
Глаголическая надпись
(«Обезвельтал»). ГЛМ

Paris 1924

18 июля

№ 47

Тебе от Ев<ении> Фед<оровны> Книпович (Петербург)²⁹: не получала она «Снега»³⁰, и от Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой (Лондон)³¹: нет никаких в Лондоне «комитетов» (вспомоществования), попробует написать, ссылаясь на твое письмо.

От С.В. Познера³²: Жорж кончил гимназию, приглашает на сегодня³³. Я ответил, что ждем из Палестины³⁴. От К. Розенберг — 35 Renten'mark³⁵ за «Изошел» («Шумы города»), но где напечатано, не знаю³⁶.

Вот если бы мне зарабатывать!

Ар<иадна> Вл<адимировна> Тыркова пишет: «иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой».

Воображаю, какие это «иностранцы»! Ходит с ручкой «нужда», а страна ее, родина, не Англия и не Россия, а беда — «Горезлосчастное»³⁷. Нужда-«неволя», от нее можно освободить, а толчком-упреком не поможешь. Я ведь мог бы и «без ручки», как и ты, при каком-то другом отношении к нам.

Рерих на дураков: «книга и плач»³⁸. Да, когда думать не надо по мелочам, тогда хорошо и «книга и плач». Рёрих³⁹ засытился, а в жизни сытых на перечет, этого он не понимает, и книги его в-пустышку.

Я всё жалуюсь. Как очнусь, и начинается моя жалоба.

И очень я обрадовался, когда получил деньги — свои — без «ручки».

Ходил за кофеем и чаем в Passy⁴⁰. Почему-то в магазинах со мной много разговаривают. Ясно и понятно сказал, как ты учила. И все-таки продавщица затеяла долгую канитель о каком-то турецком кофе, о каком-то китайском чае, когда я спрашивал цейлонский. Должно быть, меня считают за «китайца».

А вчера, тут уж дело во мне и ни в каких соблазнах, вспомнил я, что Miss Harrison надо молоко к чаю, молочную нашел, но от смущения — вижу сыр и никаких бутылок — обратился к продавщице: «Monsieur», а платя, уронил 5 еси, ну и ладно, нет, пошел шарить по полу и выронил франк.

А вот автоматичность нашего Идола в парике: прощаясь, она, как всегда, сказала: «au revoir, Monsieur-dame»⁴¹, хотя видела, что, кроме меня, никого.

Начал «Анну Ивановну» («Оля», II)⁴². Кроткая Анна Ивановна! Два места самые главные. Первое, когда чайник под подушку, почитает и спать: вошла Оля. А второе, конец, когда Оля ей не поклонилась.

Тут и тихость одинокого и незаметного, и чувство боли от несправедливости, и понимание, и опять боль одинокого и прощения по кротости.

Надо будет замечать сны. Для разнообразия.

Очень холодно сделалось: +10°R. Окна закрыты. А спал с открытым и просыпался, что холодно.

Завтра пойду к Mac-Orlen'y⁴³, а вернусь, приготовлю чай, печенье есть, хватает.

Письмо вслух пишу и «Анну Ивановну» вслух.

Ты не беспокойся. Узнавай, гляди, какой Океан. И разговаривай побольше. Знаю, это для тебя всего труднее, хотя и «для практики». До свидания. Купайся.

Вот холод-то, хоть фуфайку надевай.

Paris 1924

19 июля

№ 48

— Слава тебе, Господи, что нас не оставляешь,
странные наши души, странствовать в этой жизни:
еще на один месяц даешь нам жить! —

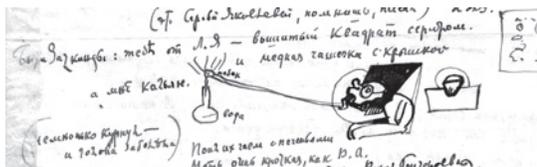
Получил чек от “Plon” за “Sur champ d’azur”⁴⁴ на 1000 frs.

Только во вторник могу получить деньги: в понедельник Miss Harrison, а потом из Палестины.

Письмо от Долмата Лутохина⁴⁵, поздравляет тебя с «кафедрой» [С<ерафиму> П<авловну> приняли в Ecole des langues orientales, 2 Rue de Lille, с осени начнет курс «славяно-русской палеографии»; читала 15 лет 1924—1939 до начала войны — столько учеников! — и как это странно: после смерти С<ерафимы> П<авловны> ни один не отозвался и нигде не было отмечено. А мне мое: “A travers de feu des douleurs”⁴⁶ не удастся напечатать]. В письме Д. Лутохина адрес В.Н. Тукалевского⁴⁷, который сулит тебе археологические материалы. [Никогда ничего не прислал].

“Das russische Echo” или просто «Русское эхо» №: мой портрет — Бориса Григорьева и воспроизведено мое «рукописание»⁴⁸ — 2 экз. Прислал С.Я. Осипов (Берлин).

Были Залкинды: Дора Александровна и доктор⁴⁹: тебе от Любви Як<овлевны> Яппу (Залкинд) квадрат, вышитый серебром, и медная чашка с крышкой, и мне кальян (курнул, и голова закружилась — значит, я не араб, и не турка)⁵⁰. Поил их чаем с печеньем. Мать кротчайшая, как Вик<тор> Ал<ександрович> Залкинд, а отец, доктор, похож на брата Рахиль Гр<игорьевны> Осоргиной⁵¹, высокий и крепкий. Это тебе, на твое рождение: 17-го.VII (4.VII с/г). Что-то в понедельник передаст неизвестный?

Ремизов А.М.

Автопортрет с кальяном.

Рисунок из письма к

С.П. Ремизовой-Довгелло

от 19 июля 1924 г. ГЛМ

Был у Mac Orlan'a. В понедельник он уезжает до 6-го августа. Аванс из "Renaissance du livre"⁵² никак не получить: уехал издатель. Надо, чтобы André Pierre прошел в редакцию. Так думает Mac Orlan. Но Pierre тоже уехал. И думаю, что в сентябре, а вернее в октябре можно будет получить. [Ничего не получил]. Условия, как у "Plon". Я показывал контракт.

Когда видели Залкинды, приходила П.И. Терещенко-Чайковская⁵³. Я ей сказал, что гости из Палестины, и она сейчас же ушла. Придет завтра. Говорит, что всю неделю «продавала». Хорошо, если есть, чего продать. Беда, когда пусто.

После Залкиндов Ходасевич⁵⁴. Вчера было рождение Сол<омона> Вл<адимировича> Познера, нас ждали. О Эренбурге⁵⁵, о М.М. Шкапской: стихи о «выкидышах всего мира»⁵⁶; Ал<ексей> Н<иколаевич> Толстой в загоне не от писателей, а от партийных, называют его «лакеем»⁵⁷; в загоне и Андрей Белый — но он в «антропософии»⁵⁸, о Книпович ничего. «Все в унынии»: грубость и доносы.

Всё это будто бы со слов Эренбурга, но я думаю, и не без дополнения самого Ходасевича, унылый человек! Я дал ему «Николины притчи»⁵⁹ и экземпляр для Познера.

Опять в лавке недоразумение: спрашиваю "Kilo de sucre cassé"⁶⁰ — и начались пространные объяснения продавщицы о сортах сахара: "en poudre"⁶¹ и «тростниковый» — пока я не ткнул пальцем: «вот этот». Может быть, надо было сказать не "cassé", а "en morceau"⁶²?

Поутру в молчании записал сон. Между прочим, как это странно, видел чек.

Осталась последняя часть и «Анна Ивановна» готова.

До свидания.

Окна закрыты. Сижу в платке — +12°R. А днем было +15°R. А мне холодно. В Карлсбад надо не забыть взять фуфайку.

***

Сон. Я сразу почувствовал, что что-то нарушил, какие-то наши явные пространства и меру. Я приоткрыл дверь и очутился в комнате: к окну сидит спиной Лида (сестра С<ерафимы> П<авловны>)⁶³ и чистит на себе ботинки.

«Я тоже, говорю, ударяя на "тоже", этот № "Prager Presse"».

Она продолжала чистить с остервенением — ботинки черные на одной пуговице. Я понял, что это чистит она, чтобы восстановить содержание неполученной газеты. И мне

ее стало очень жалко. Я подошел поближе и погладил ее по голове, голова шершавая, не человечья. И проснулся от страха.

Но проснулся во сне же, я как бы поднялся из той глубины, где разрушены все наши представления «меры, числа и веса» и где человеку «страшно».

На лестнице в каком-то учреждении, не то Мэрия, не то Префектура, весь в черном, похож на А.И. Тинякова⁶⁴, испитой, весь просвечивающийся. Он мне объявляет, что «религиозно-обрядовых организаций в России больше не существует». Я понимаю, что под «религиозно-обрядовыми организациями» он подразумевает «общество или союз хоругвеносцев».

«Да, конечно, нет, и не могут существовать, раз Кремль закрыт. Но это всё пройдет само-собою!» — утешаю его.

Но он торопится:

«Мне надо, говорит, к Никол<аю> Мих<айловичу> Ремизову⁶⁵: чек получить».

И я вспомнил, что Николай, мой брат, обещал мне чек, и этот чек Тиняков и должен получить для меня.

«Очень вас прошу, буду вам очень благодарен».

И тут произошел какой-то перелет, и я уж не в Мэрии, не в Префектуре и никакого «Тинякова».

Темно. И очень тихо. Дачная комната с балконом. Легкая мебель, пианино, ваза с полевыми цветами — больше ромашки. Через балкон сад — много цветов. Входит Наталья Вас<ильевна> Григорьева⁶⁶. Очень мне обрадовалась.

«Как с того света, говорит, вот не думала вас увидеть. А вы вернулись».

Мы сели к окну. Какой чудесный сад! Я покосился и вижу, она спит. Плечом к моему плечу. Попробую отстраниться — невозможно.

«Приросла!»

«Хоть бы С<ерафима> П<авловна> пришла, думаю, может, она что-нибудь сделала бы...»

И на мой зов входит через балкон из сада маленькая «жуковидная», живые черные огоньки в глазах. Она взяла с дивана сорочку, синеватую, как белок, слюдяную, растопырила перед собой, и только глаза черные огоньки поблескивают. И я вдруг понял, что это она была там, на лестнице, в этой слюдяной волшебной сорочке.

«А чек вы получили?»

Но с моим последним словом всё скрылось, и я легко проснулся.

Paris 1924

20 июля

№ 49

Твое письмо. А чернила-то жидковатые, видно, мало в доме пишется.

Ты живешь в Бретани, на границе с Вандеей⁶⁷, а море [Атлантический океан] — его берег в Америке.

Письмо от В. Schloezer'a⁶⁸. Опять, как это странно, видел его во сне, и вот письмо.

Представляю себе, как это ты на двухколеске⁶⁹! А взбираться, как на каланчу [ ]⁷⁰ — этого сравнения никто не поймет.

Б.Ф. Шлецер о своей статье в “Les Nouvelles littéraires”: появится 1 августа и перевод сказки из «Николиных притч» и надо портрет⁷¹.

Заходил Вл<адимир> Мих<айлович> Селевин⁷². Вместе к Шириеву⁷³: портрет кончил — я и не я. А от Ширяева с Montparnassa <sic!> пешком. Тепло опять. Хорошо было идти. На 68 Rue de la Chaussée-d'Antin “maison de café”, итальянский бар. Самое лучшее <sic!> в Париже кофе, чашка — 60 есу. Продают и «на вынос»: фунт — 8.50 frs. Надо попробовать, куплю непременно.

Сговорился с Ширяевым вместе в Чешское консульство в среду и выяснить о продолжении визы; и письмо надо в Германское о транзитной⁷⁴.

Лучше ехать 3 августа. Спокойно всё бы сделали, и билеты надо заранее. А ты купайся и молоко пей. Не беспокойся.

Завтра я сам пойду на базар за говядиной. И вот когда стал ходить, стал и встречать. Вчера на Av<енue> Mozart: Хентова⁷⁵, потом Г.Л. Лозинский⁷⁶. И вижу, сразу меня не узнали.

Заходила «на минутку» П.И. Терещенко-Чайковская. «На минутку» — это у нее от прошлого: богатство измеряется минутами, и чем богаче, тем минуты кратче. Я сказал, что «ты вышла». Исполняю добросовестно твой наказ: никому и ничего.

Много было звонков, но я не отворил. Мне надо было во-чтобы-то-ни-стало: написать свою библиографию J. Fontenoy⁷⁷ для “La Revue hebdomadaire” (“Plon”)⁷⁸;

Ch. Du-Bos'у⁷⁹, Шлейцеру и К. Розенберг⁸⁰ о получении денег «без ручки»⁸¹.

Сейчас только посмотрел за дверь: карточка Вл<адимира> В<асильевича> Диксона, — вот это жаль!⁸²

Утром «Анну Ивановну». Придется перед заключением сказать о «Оле»: что она тогда думала. Попробую. А ты скажешь.

На шею камень: редактировать для Ляцкого⁸³ «Пруд». [В конце концов Ляцкий вернул]⁸⁴.

В газетах: из России. Телеграмма трёста другому, который требует уплаты в срок: «Не шуми. Делов много. Заплатим завтра».

Я думаю, в России сейчас Виктору (Ремизову)⁸⁵ было бы вольготно. Я так и слышу его голос.

А вот о балтморах: «с партийными значками венчались в церкви, поп наложил на них “короны”» (из «Правды»). В каком-то селе попа выгнали из дому, а церковь битком набита народом.

Эренбург рассказывал, что ему кричали на лекции: «говори внятно, что у тебя вместо рта ж...а?» И не потому, что хотели грубо, а просто: что ж тут особенного «ж...а»?

Ты чувствуешь? Я тебе еще много расскажу и чудного и чудного. Жадность к учению необыкновенная... Бывает, что не одолеть, и сходят с ума, бывают и самоубийства. Как это всё по-русски.

Всё думаю, как бы нам заплатить и за август, и за сентябрь. Или не хватит?

Встаю рано — в 8-ь ч<асов>, а долго сидеть не могу — около 1 ч<аса> спать.

Нашему Идолу⁸⁶ в парике делать нечего, так она всё полы натирает.

Пришью пуговицу, и спать: много за день прошел.

***

Сон. На фоне няньки (все, какие есть няньки, слились в одну Анисью⁸⁷) Киевский профессор Келлер⁸⁸, перед Келлером П.П. Сувчинский⁸⁹, перед Сувчинским миска с киселем: большие куски с молоком. Я ложечкой мешаю. А сбоку мне мешают: Герм<ан> Леон<идович> Ловский <sic!⁹⁰ и Б.Ф. Шлецер.

Paris 1924

21 июля

№ 50

Бандероль: Евразийская хроника № 3⁹¹. (Она у нас есть). И вроде как ничего. И никаких писем.

Палестинский «неизвестный»⁹² принес тебе шелковый платок; араб голову кутает. Показал пример, но ты можешь и на плечи. И еще сумочку, на кисет похожа.

Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина принесла твои туфли — что-то каблук очень короткие, увидишь! Заходил Диксон: едет в Бордо. Была Miss Harrison, кончили Аввакума. Написал на конверте твой адрес. Потом зашел Д.П. Святополк-Мирский⁹³. Он не знает, что ты уехала, да и не любопытный, а Miss Harrison не разговорчивая.

Больше Аввакума читать не буду. Перевод сделан⁹⁴. Одному, без тебя, очень было трудно. Так изморился и с палестинским — это студент — едва разговаривал. Святополк хлопочет, чтобы за английский перевод «Изошел» (“Gone out”) — “The Slavonic Review” — June 1924 — мне прислали гонорар⁹⁵.

Рассказ про «Анну Ивановну» назову: «Не из говорящих». А всю 2-ую часть «Оли» — «С огненной пастью»?⁹⁶

На базаре у меня ничего не вышло: очень много народу, не подступиться; когда же, наконец, проткнулся, бабы кричали и радостно, и весело: “Cher boucher!” Мне стало даже горько: в кои-то веки и один смех. Я отошел и на углу мясной купил фунт за 9.55 frs.

Сделал, как ты, в «кокот»⁹⁷ с луком и картошкой. Два часа протомил на маленьком огне. Хватит и на завтра. Доел груши. Остались сливы и дыня.

Горе мое в том, что не могу долго сидеть. А чтобы что-нибудь успеть сделать, надо непременно посидеть. Нельзя растягивать. Сегодняшнее объяснение Аввакума м<н>ого у меня взяло.

Не понравилось мне, как вчера П.И. Терещенко-Чайковская о Ширяеве: она с ним не хочет встречаться, потому что знает, что он очень нуждается, а помочь деньгами нечем.

Так и про нас с тобой говорят, чувствую всей душой.

До свидания.

12-ть часов. А прежде — до 4-х сидел.

***

Сон. Театральная зала. Строят <sic!>: в полу делают матовые окнища, чтобы проваливаться. Распоряжается Аросев⁹⁸. Ты показываешь шелковую плетенку, торчат волосы. «Это, — говоришь, — хорошо, как грелка. Тут появляется М.И. Терещенко⁹⁹ и Пильняк¹⁰⁰. Какой-то разговор, но все слова погасли. И мы очутились в узкой комнате. Одно окно. Дверь в соседнюю комнату, там живут. Так тесно, и так темно, хотя одно окно большое и пусто. Наша комната. Вползает Бирюлька [Эмилия Моисеевна Каплун-Walden¹⁰¹] и к двери, приотворяет ее, просовывает пакет и что-то пищит туда.

«Постойте, говорю, можно и с того хода, зачем же от нас!»
И я как стукну по столу, она и пропала.
А пакет на полу остался, но я его не поднял.

Paris 1924
22 июля
mardi
№ 51

Тебе от Фриды Лазаревны Шрейбер. Как поступить, сообрази.

Шрейберы выезжают из Берлина в воскресенье — 26-го¹⁰². В Париже будут — 28-го, во вторник. Попросят задержать комнату в Hôtel Méridional, 14 Rue Trézel, XVII. Это, как ехать к Вальтеру¹⁰³ по мэтро: Clichy, а оттуда вверх по № 5 — 2-ая остановка — Brochant (к Porte Clichy). В воскресенье я был там с Ширяевым.

Точно день приезда они сообщат. Но я не знаю, как в гостинице, — должно быть, накануне заявить или теперь?

Хотел попросить их привезти чего-нибудь из нашего, но К. Розенберг уехала, а всё у нее¹⁰⁴. Я о весах думаю. Сообрази и напиши мне, как поступить.

И еще тебе письмо от Надежды Вас<ильевны> Балаховской¹⁰⁵. Стариков-то нет, приглашает в субботу — 25-го. Не надо обижать, я пройду, а ты к Буайэ¹⁰⁶ поехала — «экстренно». Будет старшая Бах¹⁰⁷, обещает, только обещает поместить перевод в газетах: может, следует еще и еще раз ей напомнить.

Мне письмо от Георг<ия> Гав<риловича> Шклявера¹⁰⁸, уезжает 27-го. Принесет гонорар. Я ему написал, чтобы приходил с Диксоном.

Во сне — под самый конец — будто мне рекомендуют переводчицу с приставными ногами и приставными руками. И вот получил письмо от сестры посла Извольского Витали¹⁰⁹, возраст её, судя по почерку Ивановой — «Лимон», как произносил В.В. Розанов Леман¹¹⁰. Рекомендует ее Шклявер. И об этом надо поговорить со Шклявером.

В 2 часа ездил к St. Sulpice в “Plon”¹¹¹, получил 1000 frs. На квартиру отложил 900 frs., а 100 frs. в карман.

Завтра с Ширяевым в Чешское посольство. А потом к Шифриным¹¹². Конечно, не скажу, что ты уехала.

Меня очень смущает насчет комнаты в Праге: куда обратиться? От Ляцкого нет ответа.

Завтра еще раз перепишу «Анну Ивановну». И начну другой рассказ.

Стало теплее. Спал со ставнями. А пишу с открытыми.

Идол в парике всё полы натирает. И моет.
 Будь осторожна: до волдыря загорать не полагается.
 Сегодня 2-ое твое письмо. Нет, я боюсь один ехать, растрясусь,
 а ведь еще Карлсбад предстоит. Когда-нибудь вместе.
 Осторожнее купайся. Не забудь наш адрес написать на чемодане.
 До свидания.

***

Сон. Для «регистрации» надо пройти «через доктора», получить свидетельство. Этого все добиваются. Иду и я, а впереди Сергей Ремизов и Ида Федоровна Ремизова¹¹³. Они уже пробрались в приемную, а я шел медленно: лестница винтовая и очень высоко. А когда, наконец, я поднялся, Сергей мне сделал знак. Я понял, что мне не нужно ждать, и я могу идти. И пошел. И попал не на ту лестницу. Но только, когда я спустился, я понял, на какой высоте я находился и по какой лестнице спускался. Я посмотрел вверх и увидел: лестница без перил и вертикально без всякого наклона, а высота — 7-ой, 8-й этаж. И слышу, говорят, что я спускался, весь вытянувшись, и глядя прямо и с необыкновенной быстротой. И я очутился на вокзале, похож на Gare d'Orsay. Очень тесно. Ко мне подводят даму и знакомят:

«Переводчица».

Вглядываюсь: очень похожа на Ксению, дочь Ек<атерины> Вл<адимировны> Селевиной, такая ж «бабища», но вся составная. И я замечаю, что ноги у нее приставные, и руки приставные, а пальцы отдельные косточки.

“La voyage au pays de la quatrième dimension¹¹⁴. Согласны?”

Paris 1924
 23 июля
 Середа
 № 52

Тебе от Норе Mirrelis <sic!>: «скучаю за вами».

Видел во сне «Марков Карловичей» Вольфсонов¹¹⁵ — реку-церковь-Пасху-зелень. Это к хорошей погоде. Так и есть: пасмурно и ветер с Океана — весенний.

Был в Чешском консульстве. Надо им точно сказать, когда едем в Прагу. Только тогда они напишут в Германское консульство. В пятницу или в субботу пойду в Комиссариат, на 9 авг<уста>

(25 + 15). И тогда надо решить отъезд и, решив, идти в Консульство. Можно было бы и на 5.VIII, вторник — St. Abel. И билеты заранее взять, чтобы получить плацкарты.

Буду ждать от тебя решения. И тогда бы в понедельник 27.VII с утра — с 10 ч<асов>: чешское посольство — консульство — германское посольство. А если бы не успел, то во вторник — 28.VII с визами кончил бы, а билеты в среду-четверг. И надо узнать, с какого вокзала.

Отнес <Я.>С. Шифрину книгу — «Сны» и «Петушка»¹¹⁶. Поили чаем. А думал получить денег. Нет, ничего.

В 12-ь с Ширяевым: телятина (подозрительная) с картофелем и кофе. И это за 8 frs. Дома выгоднее. Куплю “une bonne livre de veau”, а это значит кусок, а не ломтик, как в ресторане¹¹⁷.

А когда говорят “une bonne heure”¹¹⁸ — это значит, 4 или 5 ч<асов>, как хочешь. Вот, какие я премудрости узнаю: учит Ширяев.

Начерно начал рассказ. А переписывать лучше при тебе.

Почерк у меня сегодня Наташин¹¹⁹: что-то опять с рукою — это «плечевой нерв» — ломит. Помажу йодом. Но ты не беспокойся, это как недавно было. Или это — весенний ветер с Океана, или натрудил?

А для Шрейберов обещает Ширяев: задержит¹²⁰.

А что Нина Мавлютина (Катруся)¹²¹ [«Оля», II ч<асть>] крикнула, когда у нее сделался припадок?

Приходили Оля, Наташа с Аукой¹²². Лисевна¹²³ в Праге. Хотели тебя дождаться. Я сказал, что ты у Каварских¹²⁴ и, может, ночевать будешь. Они не поверили, я это почувствовал. Потому что стали спрашивать о Бретани, адрес: «куда хотела ехать С<ерафима> П<авловна>?» Я сказал, что не знаю. Напоил их чаем. Аука рассказывала о Праге. Лисевна хочет ехать с нами из Чехии в Париж.

А мышка наша пропала, больше не показывается [«Покарнизам»]¹²⁵. До свидания.

До свидания.

***

Сон. Католическая церковь круглая и очень высокая. Против алтаря хоры. Пасхальная служба. Дым от кадила. По углам, как хоругви, шесты, вымазаны каким-то особым составом: если этими шестами притронуться к стене — живопись расцветет цветами.

Полна церковь народу. Вижу Марка Карл<овича> Вольфсона и «Монашонка» [жена М.К. Вольфсона]¹²⁶.

Я с ними переглянулся. И только что хотел протиснуться к ним, как кто-то шестом прикоснулся к стене — и не цветы, а повалил дым, да с огнем! — и все бросились вон из церкви.

А на воле — зелень. И река. На реке плотик и к плотнику зеленая дорожка. Напоминает Ammersee¹²⁷. И опять в толпе вижу: Марк Карлович Вольфсон и Монашонок — они меня ищут.

Paris 1924

24 июля

№ 53

Бог нас не оставляет! Приходил Шлецер, принес 100 frs. — аванс от Шифрина за «Сны», будут напечатаны в альманахе. [Никогда: ни альманаха, ни моих снов]. Потом из Лондона из “The Slavonic Review” за “Gone out” («Изошел» — «Шумы города») £ 2,16 (2 фунта 16 шиллингов). Фунт — 85,25 frs. Чек. Справлюсь, где получить.

III-ье письмо от тебя — 23.VII. И от J. Fontenoy: зайдет в субботу.

Завтра пойду в Префектуру. Во вторник 29.VII в Чешское Консульство. И решим точно, когда ехать. В воскресенье проеду на вокзал к 4-м. А вечером: лучше мне выйти постоять на улице после 11-и, чтобы тебе помочь чемодан?

Руке легче. На ночь йодом, и аспирин. Вечера холодные, верно, я простудился. Вот наказание какое! Весь день писал, но не отчетливо и не ровно.

А блохи, пишешь, да сейчас их пора: «они женятся»!

По солнцу мне даже хорошо днем проехать на вокзал. Конечно, к Балаховским я не пойду. Что-нибудь выдумаю написать им.

Купил телятины, только мне почему-то костей навалили и ни одной настоящей, «вываренные». В воскресенье сделаю телятину и хлеба куплю. Вернешься днем, проголодаешься в дороге, тут тебе и будет, чего поесть — “une bonne morceau”¹²⁸! У меня не подгорает: на маленьком огне и, повернув, поливаю соком.

Никто меня не прерывал, и я сегодня много сделал. Главное: непрерывность — и только так развивается мысль. А перервешь — и ход мысли и весь строй остановка, начинай сызнова.

Твоим — слова Зинаиды Павловны — воспользовался. Слова в кавычках драгоценны¹²⁹.

Во сне «Книги», это хорошо.

До свидания.

Аука¹³⁰ рассказывала, что в Праге прекращают стипендии, потому и разезжаются. И Антонов приехал оттого же или он Антипов¹³¹?

Нет, ничего, что Аввакума кончил, там оставалось, как «изгонял бесов»¹³². Miss Harrison просила: ей надо кончить перевод до 1-го августа, и надо воспользоваться Святополком-Мирским¹³³, пока он тут. Без тебя мне было очень трудно.

Заплатил за электричество с 25.IV–27.VI — 26,95 frs.

25 июля
½ 9-го у<тра>
пятница

IV-ое твое письмо от 24.VII.

Боюсь, что поздно писать Шрейберам, попробую. Приду на вокзал в воскресенье к 11-и вечера. В воскресенье же с Ширяевым проеду к Porte Clichy — это очень далеко: «Меридиональ».

Руке легче. Открытка от Норе Mirrlees.

***

Сон. Всё обыскали, и в столе и на столе, и ничего не нашли — ни одной рукописи<си>. А высокий прилавок и на нем томов 20-ь — книги в белых обложках, французские.

Это я выставил получить первую премию за свои сочинения. И не знаю, что делать. Хорошо, что по-французски не понимают, ведь это ж всё не мое. А если, думаю, обнаружится? А уж поздно, книги упаковывают.

Paris 1924
25 июля
пятница
№ 54

Это письмо пошлю, а завтрашнее сберегу: как приедешь, так и подам.

Всё прибрал. Я думаю, не стоит всего выставлять, а что понадобится, то я и выну. Шкапы заперты, и твоя щетка, и коврик.

Мышка перекочевала ко мне: бегаёт, как тень. И нечего ей есть, так коврик, что под дверью, теребит. [«По карнизам»].

Вечером Шклявер с Диксоном. В воскресенье уезжают: Шклявер в Савойю, Диксон — в Бордо. Шклявер принес гонорар из “La vie des peuples” — 180 frs¹³⁴.

Ходил с Ширяевым в Префектуру.

Надоел он мне хуже горькой редьки — Господи, языка-то не знать, сколько тут примешь и терпения и смиренным станешь!

И всё начинай сначала. И анкету снова. Только твоей подписи не надо. В понедельник получить. И тогда в Чешское консульство.

Понимаешь, надо точно сказать день отъезда.

На St. Michel'е ели бифштекс. И после много чаю пил. Масло, должно быть, какое-нибудь «деревянное», такая жажда.

В воскресенье поеду на Trésel¹³⁵, куда Шрейбера хотят, в «Меридиональ» — даль ужасная. Спрошу. Если там никакой «кухоньки» нет, которая так прельстила Шрейберов, то лучше всего взять для них комнату, где мы по приезде одну ночь провели. Вообще и в наших краях (XVI) есть комнаты, только полное незнание Парижа может загнать человека <в> такую даль — XVII ar<rondissement>.

Переписываю. Помешали. И долго сидели. Уж 1 ч<ас> н<очи>.

Во сне звери, змеи, головастики. Не знаю, к чему.

Холодно очень. Неужто фуфайку надевать?

Шклявер показывал телеграмму Рериха: переводит 1000 frs. для «невесты Шклявера»¹³⁶. Вот, наверно, довольна будет.

До свидания.

Рука наладилась. И йода больше не надо. Отдохнула.

О Ширяеве пишу так: «надоел». Всё мне вопросы задает и самые «умные» и ничего не «вопрошающие». Я ему сказал, «не спрашивайте меня». Пускай сам болтает.

***

Сон. Старообрядческая церковь. Вхожу в трапезную. Оттуда слышно пение. И вижу Муратов¹³⁷ и Гершензон¹³⁸!

«Вот, — думаю, — Гершензон тоже в церковь ходит! Впрочем, для старообрядцев никакой разницы: я ли, Гершензон ли, всё поганое!»

И выхожу в притвор. А там площадка, и на площадке козлы, и через козлы все перепрыгивают. А перепрыгивают звери — змеи, но на лапах и очень понятливые рожицы. Все небольшие, с собаку, а есть и головастики. А кто перепрыгнет, бежит к «пещере» — «убегают в пещеру», на которой свечи горят.

На мне арабский платок (Залкинда подарок). Я разбежался за зверями и на козле застрял.

Paris 1924

26 июля

№ 55

Диксон получил по английскому чеку £ 2 — 16 — 250,50 frs.

Приходил Fontenou: я ему растолковывал слова.

Всё время пишу.

А представь себе: мышка-то какая умница: это она без тебя меня сторожила. И я ее никому не выдал.

Наташа [Резникова] спрашивает:

«Что это, как будто мышь или это в глазах?»

«Да, говорю, это у вас в глазах».

А вчера Шклявер со страхом:

«Мышь!»

«Ну откуда тут мышам быть, это от лампы!»

А сегодня мышка ушла — не показывается: знает, ты завтра приедешь. И ушла в норку — отслужила.

Ну, подумай, как я ее прогону, если явится вдруг?

Рука больше не болит. А дождик-дождик — и холодно. А утром такая влажная теплынь была.

***

Сон. Стеклянная комната. За столом Над<ежда> Павлович¹³⁹. А за стеклом ты. Аука¹⁴⁰ вынула из несгораемого шкапа тетрадь: это она написала. Я раскрыл тетрадь, и мы поехали.

Сижу очень низко, почти на земле. На мне всё серое. И замечаю, что это бревно на одном колесе.

«Как же мы движемся?» — спрашиваю.

«Да очень просто, — смеются, — это железнодорожное!»

И тут какая-то с колеса:

«Вот если бы Сергей Яковлевич (Осипов), не так бы еще прокатились!»

И я проснулся.

Такое чудесное утро, такой полный влажный ветер и тепло.

Paris 1924

27 июля

№ 56

Письмо от Аркиной из Норвегии¹⁴¹ по рекомендации М.А. Алданова¹⁴². Пошлю «Крестовые сестры» и немецкий перевод. [Ни ответа, ни привета, и никогда по-норвежски никто меня не переводил].

Какое горе: стал сухарики делать — и опять рука заболела.

Купил “une bonne livre”¹⁴³. Я думаю, кило. Мясник смеялся. Это я всё по разным мясным хожу, хочу испытать, где лучше. А будет ли прок, не уверен: мясо не просто дается, а — с костями!

Всё спрятанное выставил, восстановил, как было: посмотришь, и как будто ничего не было, всё, как в день твоего отъезда.

Всё утро писал. Сейчас бы и «Демонстрацию» [«Оля», П ч<асть>]¹⁴⁴, да вот-вот явится Ширяев ехать, Бог знает, куда о Шрейберовской комнате справляться. Так вот и всё — беспокойно.

***

Сон. Собрание в подвальном зале — напоминает столовую в Петербурге (1919–1920 г<оды>) на Миллионной во дворце Владимира Александровича¹⁴⁵. Народу не протолкнуться. Говорит молодой архиерей в белом, вишневый саккос. А в заключение подымает ноги и показывает ступни — вишневые, как саккос¹⁴⁶:

«Это всё большевики сделали!»

А я подумал: «врет, ведь, пожалуй».

А Александр Иванов¹⁴⁷ — «присмиранный»:

«Вы о большевиках скóса?»

Но Карташов <sic!>¹⁴⁸ с женой¹⁴⁹ навалились на Иванова, и он, не пикнув, присел. Я протиснулся к выходу и попал в другое собрание.

На эстраде Милюков, окруженный «оппонентами»¹⁵⁰, так почему-то говорится «оппонентами». Доклад кончился, принялись за еду. Едят руками. Мне предлагают ветчины, но я отказался.

«Ветчину не ем, — говорю, — а гарнир с листиками».

И прохожу по коридору. По стене прилавки. Меня догоняет С. Поляков-Литовцев¹⁵¹, я его заметил среди «оппонентов», в руках у него ветчина.

И взял ломтик и подумал: «там отказался, а тут без возражения взял».

И вижу Алек<сандра> Мих<айловна> Полякова¹⁵² и их племянник. Этот племянник — большой квадратный, а внутри электрическое пианино, и как заговорит, слушать невозможно, все-таки различаю:

«Мы в вашей новой квартире».

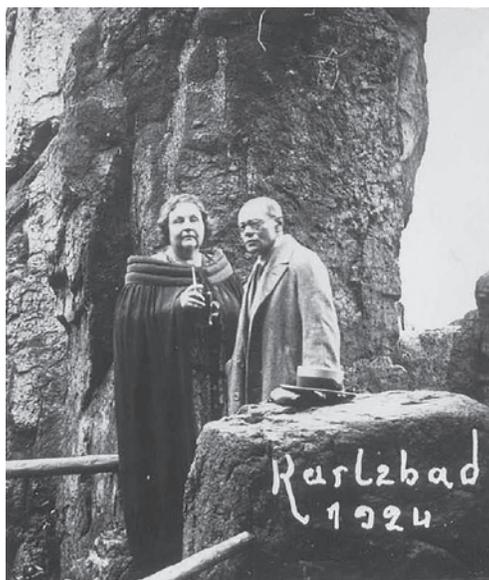
Я его стал выпихивать за дверь, а он, как пружинный со своим механизмом, не выталкивается. И вижу, обиделся. И я его оставил.

А наша новая квартира оказывается тут же в подвальном помещении, где архиерей вишневые ноги показывал.

Опять набирается народ. Начинаются танцы. Все должны танцевать. Я стал понемногу раздеваться. И тут С.В. Познер, снимая с себя сапоги:

«Я, — говорит, — вас понимаю, я тоже не желаю принимать участие!»

<Вклеена фотография: — Ремизовы в Карлсбаде (1924)>

Ремизовы в Карлсбаде. 1924. ГЛМ

Прага — Карлсбад
«Englischer Hof», Parkstrasse, Karlovy Vary

Eger 1924
11 сентября
№ 57

Стою у кассы. Сейчас 11-ь. Через ½ поезд. Выпил кофе — холодный. Раз двадцать вспомнил Я.С. Шрейбера. [Почему не могу вспомнить: или по холодному кофию, или потому что Шрейбер

учился в Берлине и хорошо говорит по-немецки?). Если бы не Prager Presse, и тебе бы пришлось тащиться сюда [С<ерафима> П<авловна> оставалась в Карлсбаде, а я — за какой-то германской визой ездил в Eger]. Всем без анкеты, только для русских с “certificat”. Когда же, наконец, мы будем ездить по-человечески? Как вот эти, которые были соседями в вагоне, — в длиннейшем пути Personenzug’a¹⁵³.

Хотел писать, но все мысли вышибло. Нет, тут винить их [немцев] напрасно. Только досадно. Но как это всё не нужно.

Eger. Unterer Markplatz

Eger 1924

12 сентября

№ 58

Только сейчас отпустили. Осталось ½ ч<аса>. Едва вышло. Опять “Fehler” (ошибка): ты должна 2 раза подписать. Но это не моя вина. Встретил русских. У них тоже “Fehler”. Только для русских анкета и «подожди».

Дорогой пробовал писать о «Пруде»¹⁵⁴. Так мало видел. И жаль, что не был в церкви — беззвучно выйдет.

Пойду кофе пить. Хорошо, что так кончилось.

[В немецких городах, а и тут, надо непременно заглянуть в церковь: орган, он озвучит зрение].

Unterer Martkplatz m. Stöckel

Paris 1924

6 октября

№ 59

Кланяюсь тебе! Не сердись Бога ради: я поставил коврик сушить, он наклонился к камину и целый кусок обуглился. Я паленый кусок отрезал, не сердись! Я знаю, и так всё, а тут и это — но кусок небольшой.

Paris 1924

25 декабря

№ 60

Это Père de Noël¹⁵⁵ посылает тебе поздравление. А я только пишу за него: почерк его морозные цвет<ы> — белые папоротники и елочки. А на бумаге он не знает: в России пишет на зимних окнах, а тут на облаках, на волнах и на песке может. Joyeux Noël¹⁵⁶.

¹ 3 этаж направо во дворе (фр.).

² Перечисление пансионов и съёмных квартир со времени приезда в Париж (6 ноября 1923 г. по февраль 1924 г.).

³ Адрес съёмного жилья в доме m-me Fleury (Флёри), у которой Ремизовы останавливались во время летних поездок в Бретань с 1926 по 1939 г.

⁴ В обозначенный временной промежуток С.П. Ремизова-Довгелло находилась на санаторном лечении в Карлсбаде.

⁵ Eger (Эгер) — немецкое название чешского города Cheb (Хеб), расположенного на западной границе Чехии с Германией.

⁶ Сокращенный вариант русского перевода древнерусской писцовый виньетки (колофона). В архиве Ремизовых сохранились конспекты С.П. Ремизовой-Довгелло учебника Е.Ф. Карского «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варшава, 1901) с выписками этого и других колофонов. Ср. из Пролога XVI в.: «Рад быст заец изринувшийся от тенета, а рыба из сети, а птица из клеща, а должник и от резоимца, а холоп от государя, так рад бысть писец достигши в книзе остаточного слова пролога сего и последний строки видючи яко святого воскресения» (цит. по: *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 280).

⁷ Очевидно, что запись Ремизова соотносится с письмом *Михаила Андреевича Осоргина* (наст. фам. Ильин; 1878–1942) от 4 марта 1924 г., в котором предложен план будущей встречи: «Насчет блинов — сомнительное дело, масленица-то, словно бы, прошла. <...> а то может быть макарон поедим дома? Мне всё одинаково лень, и на всё согласен. Надо чтобы барыни наши решили <...>» (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 3. F. 7. P. 18).

⁸ Речь идет о лекции *Константина Дмитриевича Бальмонта* (1867–1942) под названием «Русский язык (Воля как основа творчества)», прочитанной в Сорбонне 5 марта 1924 г. Опубл.: *Современные записки*. 1924. № 19. С. 206–224.

⁹ Обезьяня великая и вольная палата — мифическое общество, образованное Ремизовым. Об истории этой неотъемлемой части литературного быта писателя см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьяня Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

¹⁰ Подразумевается кофейник, привезенный из Карлсбада. Ср.: «Сварил я ему <С.Л. Полякову-Литовцеву. — Е.О.> кофе <...> в карлсбадском кофейнике: носик с пробкой, чтобы кофейный дух беречь» (цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб., 2017. С. 578).

¹¹ По-видимому, *Владимир Давидович Аитов* (1879–1963) — доктор медицины, видный деятель русского мASONства в эмиграции.

¹² См. примеч. 3.

¹³ *Джейн Эллен Харрисон* (Jane Ellen Harrison; 1850–1928) — британский филолог-классик, антрополог, лингвист; профессор Кембриджского университета; феминистка. В 1922 г. обосновалась в Париже, где занялась изучением древнерусского языка и историей русской литературы. См. о ней: *Robinson A.* The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford, 2002; *Smith A.* Jane Harrison as an Interpreter of Russian

Culture in the 1910s–1920s // *A people passing rude: British responses to Russian culture* / Ed. by A. Cross. Cambridge, 2012. P. 175–188. В 1924 г. в тесном сотрудничестве с Ремизовыми Харрисон вместе со своей ученицей и близкой подругой — писательницей *Хелен Хоуп Мирлиэз* (Helen Hope Mirrlees; 1887–1978) подготовила к изданию английский перевод «Жития протопопа Аввакума»: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself* / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky. Publ. by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W.C. 1924. Книга предварялась посвящением писателю и его супруге. См. также о подготовке этого издания: *Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926* // *Oxford Slavonic Papers*. 1995. No. 28. P. 62–97; *Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов* / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // *Дiaspora: Новые материалы*. II. СПб., 2001. С. 354–355. Подробнее о Харрисон см. в коммент. Р. Хьюза к публикации: «...С Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к Ремизову 1922–1929 гг. // *Дiaspora*. V. Париж; СПб., 2003. С. 356; *Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material* // *A people passing rude: British responses to Russian culture*. P. 194–195. В 1924–1926 гг. Харрисон и Мирлиэз поддерживали тесное общение с Ремизовыми. Их дружеское участие выражалось и в финансовой поддержке журнала «Версты» (1926), и в популяризации произведений Ремизова на английском книжном рынке. Так, в частности, они подготовили перевод четырех ремизовских сказок для рождественского английского издания “The Book of the Bear” (London: The Nonesuch Press, 1926).

¹⁴ См. о ней: «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // *Литературный факт*. 2018. № 8. С. 31; далее: *Литературный факт*, с указанием номера и страниц.

¹⁵ *Виктор Александрович Залкинд*. См. о нем: Там же. С. 27.

¹⁶ *Любовь Яковлевна Яппу* (1900–1971), жена В. А. Залкинда

¹⁷ Очертания упомянутых обстоятельств раскрывает письмо неизвестного корреспондента, подписавшего письмо Ремизову от 16 июля 1924 г. *Д. Белорички* (D. Belorigicky), в котором отправитель сообщил о посылке: «M-lle Яппу <sic> передала мне для Вас <из> Палестины несколько ориентальных вещей. Я послал в редакцию Посл<едних> Нов<остей> на В<аше> имя с просьбой указать мне Ваш адрес, но к сожалению не получил ответа. Затем, будучи в редакции, узнал, что Вы уехали в Америку...» (Amherst. B. 3. F. 11. P. 2). 18 ноября 1923 г. В.А. Залкинд вслед за женой переехал в Палестину. Об этом Ремизову сообщил его берлинский корреспондент М. Копелянский (Amherst. B. 3. F. 2. P. 23).

¹⁸ Речь идет об открытой в 1795 г. Школе восточных языков (École des langues orientales. 2 rue de Lille, Paris), в 1914 г. получившей название «Национальная школа восточных языков»; в настоящее время Национальный институт восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO) входит в Сообщество университетов и учреждений Сорбонна–Париж–Сите. В 1924 г. С.П. Ремизова-Довгелло как дипломированный палеограф впервые в истории Школы восточных языков открыла факультативный курс (cours libre) по славяно-русской палеографии и читала лекции до 1939 г.

¹⁹ *Лоллий Иванович Львов* (Lolly Lvov; 1888–1967) — поэт, прозаик, литературный критик, публицист, переводчик; автор ряда рецензий на книги Ремизова. Их знакомство состоялось в 1921 г. в Ревеле, где грамотой от 17 сентября 1921 г. Львов был возведен в кавалеры обезьяньего знака I степени с утиными

перепонками. В Париже Львов принимал деятельное участие в культурной жизни эмиграции и вместе с женой принадлежал к кругу близких друзей Ремизовых.

²⁰ *Сергей Яковлевич Осипов* (1888–1948) — бухгалтер; заведующий конторой издательства «Сирин» (1912–1915); торговый представитель советской России в Ревеле и Берлине. Историк Обезвельволпала и первый биограф Ремизова. Подробнее о нем см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 233–238.

²¹ *Андре Пьерр* (André V. Pierre, 1887–1966) — переводчик произведений русской классической и советской литературы; журналист, советолог. Каталог национальной библиотеки Франции в справке о нем упоминает о преподавании французского языка в Санкт-петербургской гимназии и Смольном институте благородных девиц, вероятно, в 1910-х гг. В 1924 г. перевел две народные сказки в переложении Ремизова («Чаемый гость» и «Чужая вина») для парижских периодических изданий “Le Figaro: Supplément littéraire” и “Le Scarouillot”. Автор статей о творчестве писателя, первая из которых появилась в печати весной 1924 г.: Alexis Remizov, romancier russe // Le Scarouillot. 1924. 16 mars. P. 6. Общение с ним продолжалось до смерти писателя. Пьерру принадлежит один из первых некрологов, появившийся в печати 29 ноября 1957 г. в газете “Le Monde”: *Pierre A.* L'écrivain russe Alexis Remizov est mort à Paris (URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1957/11/29/l-ecrivain-russe-alexis-remizov-est-mort-a-paris_2321172_1819218.html; дата обращения: 29.10.2019).

²² Подразумевается запланированная поездка в Чехословакию, где писатель с женой пробыл с 11 августа по 23 сентября 1924 г.

²³ Речь идет о родителях Виктора Александровича Залкина (см. о нем: Литературный факт. 2018. № 9. С. 27).

²⁴ Подразумевается путешествие в Бретань.

²⁵ Хелен Хоуп Мирлиз — выпускница Школы восточных языков 1919 г., специализировалась по курсу русского языка. См. также примеч. 13. Ремизовское английское написание фамилии в рукописи и письмах варьируется нередко даже в пределах одного предложения: Mirreless, Mirrelis, Mirriless.

²⁶ Речь идет о новелле «Письмо Достоевскому» (впервые: Последние новости. 1933. № 4407, 16 апр. С. 2), включенной в состав автобиографической книги «Учитель музыки. Каторжная идиллия» (См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 2002. С. 259–265). Герой-рассказчик, наделенный комплексом авторских рефлексий, в исповедальном письме Достоевскому повествует о созревшем бунте униженного человека против общества самодовольных людей. Ср.: «А знаете, на чем бы я душу отвел — знаю, желание мое невозможное и никак не исполнимое. Но это мое чувство, как тогда, как я задумал сжечь всё... Больше всего не выношу я “легкости”, той самодовольной легкости, которую я всю жизнь домогался усвоить себе... а ведь без этой легкости, куда ни пойдешь, не обойдешься. Так вот бы я и прошелся по мюзик-холлам, дансингам, ночным кабакам, — по всем этим танцулькам, где так легко веселиться, и в руках у меня — не хлеб, там не нуждаются, а только бомбы! Что ж, если никакие революции ничего не изменили и нет никакой надежды изменить человека, вы правы, для его же пользы — вернуть его в лоно и очистить воздух: ведь не только от гнусности и подлости человеческой и всякой путаницы, добавлю и за себя, но и от пустой самодовольной легкости “дышать нечем”» (С. 265). Конкорд — площадь Согласия в Париже (Place de la Concorde).

²⁷ От диалектного слова «пьямкать» — чмокать губами или жевать.

²⁸ Академический паек — ежемесячное натуральное пособие ученым от советского правительства, которое выдавалось представителям литературы и искусства в 1919–1923 гг.

²⁹ *Евгения Федоровна Книпович* (1898–1988) — литературный критик, исследователь творческого наследия А.А. Блока; постоянный корреспондент Ремизовых в 1921–1928 гг. Ср. дневниковую запись о писателе, с которым Книпович познакомил Блок в 1919 г.: «...С Ремизовым у меня образовался род дружбы, хотя мы и разные по возрасту и по складу. Я, очевидно, ему чем-то нужна, и он мне также. Так и сидим вдвоем у печки. Может быть, отношение к болю человеческой нас сближает?» (*Книпович Е.Ф. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26.*)

³⁰ По-видимому, речь идет о пьесе Ст. Пшибышевского «Снег», переведенной супругами Ремизовыми для постановки «Товариществом Новой Драмы». Весной 1903 г. перевод вышел в московском издательстве «Театральная библиотека М.А. Соколовой». Пьеса была включена в репертуар антрепризы в сезоне 1904/1905 гг. (преьера состоялась в Херсоне 19 декабря 1903 г.). О печатной и театральной судьбе перевода см.: Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена, П.У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

³¹ См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 26. Очевидно, С.П. Ремизова-Довгелло пыталась найти источники финансовой поддержки в эмигрантских комитетах Лондона, где жила Тыркова-Вильямс.

³² См. о нем: «На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 / Комментар. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1. С. 72; далее: Литературный факт, с указанием номера и страниц.

³³ Речь идет о младшем сыне Познеров — Георгии (Georges Posener; 1906–1988), который впоследствии стал ученым-египтологом; с 1969 г. академик Института Франции (Малая Академия Франции — L'Académie des inscriptions et belles-lettres).

³⁴ См. примеч. 17.

³⁵ Рентная марка (*нем.* Rentenmark) — одна из двух денежных единиц Германии, находившаяся в обращении с 1923 по 1948 г., стоимостью 100 рентных пфеннигов. Ее введение позволило прекратить гиперинфляцию 1921–1923 гг.

³⁶ Рассказ «Изошел» впервые опублик. на русском языке в составе сборника Ремизова «Шумы города» (Ревель, 1921). Речь идет о переводе на немецкий язык: Von hinnen gegangen / Übers. K. Rosenberg // Die Deutsche Rundschau. 1924. № 7.

³⁷ Отсылка к сюжету народной сказки. Впервые: *Ремизов А.* Горе злосчастное: Сказка // Русская молва. 1912. № 17, 25 дек. С. 2. Впоследствии включена в сборник «Докука и балагурье: Русские сказки» (СПб.: Сирин, 1914). Отдельное издание в виде свитка (печать на ткани) — Берлин: Книжный кустарь, 1922.

³⁸ *Николай Константинович Рерих* (1874–1947). В 1924 г. художник находился в Нью-Йорке. В настоящем письме приводится измененная цитата: не «книга и плач», как запомнилось Ремизову, а «Книга и Плат» из письма Рериха Ремизову от 20 июня 1924 г. в связи с предстоящим выходом книги «Звенигород Окликанный: Николины Притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин, 1924). «Плат» (в значении покров из ткани) в эзотерической системе Рериха ассоциировался с ритуальным символом, называющимся в буддизме хадак, или хатык, который вручают как знак доброжелательства и гостеприимства в самых разных случаях. Ср. письмо, написанное по дореволюционной орфографии, приведенное в нашей статье «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь “чудесным образом”. Париж, 1924–1925» (наст. изд., с. 18).

³⁹ Написание фамилии художника через *ë* соответствует двум вариантам немецкой транслитерации (Röghich, Roerich). Именно последним вариантом художник пользовался в своей иностранной корреспонденции. Вариантом «Рёрих» подписана публикация эскизов к ремизовской «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» в журнале «Золотое руно» (1909. № 11–12). См. также издание, включавшее цикл Ремизова «Жерлица дружинная», написанный к картинам художника: РЕРИХ / Текст Ю.К. Балтрушайтиса, А.Н. Бенуа, А.И. Гидони, А.М. Ремизова и С.П. Яремича; худож. ред. В.Н. Левитский; Десять сказок и притч Н.К. Рериха: [Сб.]. Пг.: Свободное искусство, 1916.

⁴⁰ Район Парижа на правом берегу Сены.

⁴¹ До свидания, господа и дамы (*фр.*).

⁴² Подразумевается Анна Ивановна Синицына, героиня рассказа «Не из говорящих», который вошел во вторую часть повести «Оля» (1927) — «С огненной пастью». Рассказ написан по воспоминаниям С.П. Ремизовой-Довгелло. Впервые: Воля России. 1924. № 14/15.

⁴³ *Пьер Мак-Орлан* (Pierre Mac Orland; наст. фам. Dumarchey; 1882–1970) — французский писатель.

⁴⁴ “Plon” — французская книжная издательская компания, основанная в 1852 г. Анри Плоном и его двумя братьями. Речь идет о переводе на французский язык повести «В поле блаkitном». Книга вышла три года спустя: *Remizov A. Sur champ d’azur / Trad. J. Fontenoy. Paris: Librairie Plon-Nourit, [1927]. 248 p. (Collection “Feux croisés: Ames et terres étrangères”)*.

⁴⁵ *Далмат Александрович Лутохин*. См. о нем: Литературный факт. 2019. № 1. С. 65. Поздравление Лутохина — реакция на сообщение Ремизова в письме от 12 июля 1924 г.: «Серафима Павловна с осени начинает читать курс по славяно-русской палеографии в здешнем Институте восточных языков» (*Ecole nationale des langues orientales vivantes*), а книг нету. Надо добывать» (Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 965).

⁴⁶ Речь идет о написанных сразу после смерти С.П. Ремизовой-Довгелло воспоминаниях о ней под названием «Сквозь огонь скорбей» (июнь–декабрь 1943 г.). В последней редакции текст составил заключительную часть романа «В розовом блеске» (1952).

⁴⁷ *Владимир Николаевич Тукалевский* (1881–1936) — историк литературы и библиограф, до революции член Совета Общества толстовского музея, редактор журнала «Толстовский ежегодник»; познакомился с Ремизовым в Петербурге не позднее 1912 г. В то время часто снабжал писателя книгами по древнерусской истории и палеографии. В 1924 г. стал директором Славянской Библиотеки в Праге.

⁴⁸ *Григорьев Борис Дмитриевич* (1886–1939) — график, живописец, прозаик, в эмиграции с 1919 г. Автор портрета А. Ремизова (1924), который экспонировался на персональных выставках художника в 1924 г. (Париж) и в 1926 г. (Прага). См.: *Никашин П.* Осенний Салон // Вечернее время (Рига). 1924. № 168, 9 нояб. С. 3; *Дризен Н.В., барон.* В Осеннем Салоне // Вечернее время. 1924. № 184, 29 нояб. С. 4; *Любимова М.Ю.* Пражские контакты Бориса Григорьева и Евгения Замятина // Борис Григорьев и художественная культура XX века. Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004. С. 101–102. Портрет также опубликован на обложке берлинского журнала «Русское Эхо» (1924. № 29) и в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» (1924. № 1 (1), сент. С. 5). Процесс создания этого полотна конкретизируется

по письму Григорьева Ремизову от 16 апреля 1924 г.: «Мне бы хотелось закончить Ваш портрет, и я мог бы быть у Вас в пятницу в 11½ часов как обычно» (Amherst. B. 2. F. 7. P. 75).

⁴⁹ Родители В.А. Залкинда.

⁵⁰ Речь идет о сувенирах из Палестины (см. примеч. 17).

⁵¹ *Рахиль Григорьевна (Гиршевна) Гиццберг-Осоргина* (урожд. Гинцберг; 1885–1957) — вторая жена М.А. Осоргина.

⁵² Парижское издательство “La Renaissance du livre”. Проект не реализовался.

⁵³ *Пелагея Ивановна Дембно-Чайковская* (урожд. Терещенко; 1884–1971) — сестра промышленника и мецената *Михаила Ивановича Терещенко* (1886–1956), министра финансов при Временном правительстве (1917). Знакомство с нею началось в 1912 г., когда она вместе с сестрой Елизаветой Ивановной учредила и финансировала издательство «Сирин», выпустившее собрание сочинений Ремизова в 8 томах.

⁵⁴ Ср. письмо *Владислава Фелициановича Ходасевича* (1886–1939) Горькому от 13 мая 1924 г.: «В Париже (французском) жить хорошо. В русском — недурно. Впрочем, *мой русский Париж* невелик: “Современные Записки”, Осоргин, Зайцев, Познер, Гржебин, Ремизов, еще 2–3 человека — и всё. Мережковские, Бунин, Куприн — вне меня — и вне себя от меня» (*Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 472*). Поэт удостоился звания «кавалера обезьяньего знака I степени» и жалованной обезьяньей грамоты, датированной 27 января 1921 г. (см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные... С. 363, 381*).

⁵⁵ *Илья Григорьевич Эренбург* (1891–1967) приезжал в Париж из Италии на пять дней в конце июня — начале июля 1924 г. Далее следует краткий пересказ его впечатлений от встреч с писателями во время поездки в Россию, продлившейся с января по двадцатые числа марта того же года.

⁵⁶ *Мария Михайловна Шкапская* (урожд. Андреевская; 1891–1952) — поэтесса, журналистка; познакомилась с Ремизовым не ранее 1920 г.; кавалер обезьяньего знака «с лисичкиным хвостиком» (*Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные... С. 366*); постоянный корреспондент писателя и его супруги в 1921–1926 гг. Подробнее о ней см.: *Грачева А.М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья первая): Судьба ремизовского «Музея игрушек» // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215*. Тема нерожденных детей проходит лейтмотивом через поэтическое творчество Шкапской 1921–1925 гг. По-видимому, обсуждалось стихотворение, не включенное в опубликованные сборники поэтессы.

⁵⁷ *Алексей Николаевич Толстой* (1883–1945) вернулся в Россию в августе 1923 г. Ср. характер партийных заданий, адресованных Толстому в письме Председателя Редколлегии Госиздата Н.Л. Мещерякова от 8 июля 1924 г.: «Уважаемый Алексей Николаевич! Вы знаете, конечно, о существовании “Доброхима”. Задачи этой организации громадны. Для того, чтобы иметь возможность газового нападения и газовой защиты, мы должны иметь сильно развитую химическую промышленность. Которая в мирное время работает на мирный рынок. А во время войны переходит целиком или отчасти на военные нужды. <...>. Нужно привлечь внимание широких слоев населения к “Доброхиму” <...>, Литература может сыграть здесь большую роль. Хорошо было бы иметь для этого несколько “газовых” или “химических” романов. Не согласитесь ли Вы, Алексей Николаевич, написать такой газовый роман рокомболевого характера (вроде “Месс-Менд”)...» (Издание художественной

литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата / [Сост. Л.М. Кресина, Е.А. Динерштейн; науч. ред. Е.А. Динерштейн]. М., 2009. (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы). С. 425–426).

⁵⁸ Речь идет об известиях, касающихся жизни в Москве Андрея Белого, вернувшегося в Россию в 26 октября 1923 г. Упоминания об антропософских занятиях в 1924 г. поверхностно были связаны с гражданским браком Белого и активистки русского Антропософского общества К.Н. Васильевой. Подробнее о деятельности писателя в 1924 г. см.: *Белый А.* Ракурс к дневнику // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: автобиографические своды / Сост. А.В. Лавров и Дж. Мальмстад. М., 2016. С. 481–485.

⁵⁹ Подразумевается только что вышедший из печати сборник Ремизова «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатаз, 1924).

⁶⁰ Килограмм битого сахара (*фр. букв.*). Речь идет о кусковом сахаре.

⁶¹ Сахарная пудра.

⁶² Кусками (*фр.*).

⁶³ *Лидия Павловна Довгело* (1876–1944) — сестра С.П. Ремизовой-Довгелло.

⁶⁴ *Александр Иванович Тиняков* (1886–1934) — поэт, публицист, создававший вокруг своей литературной деятельности скандальную шумиху; корреспондент Ремизова 1910-х гг., в Обезвельволпале получил ироническое прозвище «гнид обезьяний»; в советское время оказался в бедственном положении. Подробнее о нем см.: *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 12–37, а также во вступ. статье Н.А. Богомолова к публикации: Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 41–82.

⁶⁵ *Николай Михайлович Ремизов* (1872–1936) — брат А.М. Ремизова; присяжный поверенный Московской судебной палаты, присяжный стряпчий Московского коммерческого суда, староста Успенского собора в Кремле.

⁶⁶ *Наталья Васильевна Григорьева* входила в дружеский круг Ремизовых в 1918–1921 гг.; по комментарию Ремизова, «член “Петросовета” от пищевиков (1918–1921) / беспартийная» (Угол обезьяньих вельмож // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 14); «великий конденсор обезвельволпала и кавалер кавалер» (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 342; в тексте указано неверное отчество).

⁶⁷ Вандея — один из департаментов региона Пеи-де-ла-Луар на западе Франции, образованный во время Великой французской революции в 1790 г.

⁶⁸ *Борис Федорович (Фердинандович) Шлэцер* (Boris de Schloezer; 1883–1969) — музыкальный и литературный критик, философ, переводчик; сотрудник журналов «Аполлон» и «Золотое Руно»; с 1920 г. жил в Париже; сотрудник газеты «Последние новости», журналов «Современные записки» и «Числа», автор статей о Ремизове и рецензент его произведений в эмигрантской печати.

⁶⁹ Подразумевается двухколесная повозка.

⁷⁰ Квадратные скобки, предназначенные для авторского комментария, остались незаполненными.

⁷¹ Речь шла о вступительной статье Шлёцера к публикации его перевода сказки Ремизова «Николин дар». Текст появился в печати в сопровождении фотопортрета Ремизова: *Le Don de Nicola / Trad. B. Shletser // Les Nouvelles littéraires*. 1924. № 100, 13 sept. P. 2.

⁷² Возможно, муж Е.В. Селевиной.

⁷³ *Евгений Николаевич Ширяев* (Chiriaeff E.; 1887–1945) — художник. С 1913 г. жил во Франции; в 1924 г. сотрудничал в издательстве Рериха и Гребенщикова «Алатас», где по эскизу Ремизова оформил обложку для книги «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (1924). Портрет Ремизова работы Ширяева неизвестен.

⁷⁴ Подразумевается предстоящая поездка в Чехословакию, где писатель с женой находились с 11 августа по 18 сентября 1824 г.

⁷⁵ *Полина Аркадьевна Хентова* (Поля Абрамовна; 1896–1933) — живописец, график; уроженка Витебска; в 1910-е гг. окончила Брюссельскую королевскую академию, работала в Мюнхене и Париже; с 1920 г. жила в Берлине. Очевидно, внимание Ремизова привлекли ее иллюстрации к книге «Русских детских сказок» А.Н. Афанасьева, выпущенной издательством «Слово» в 1921 г. В 1923 г. Хентова переехала в Париж.

⁷⁶ *Григорий Леонидович Лозинский*. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 31.

⁷⁷ *Jean Fontenoy* (Жан Фонтенуа; 1899–1945) — французский журналист, переводчик произведений Ремизова; во время Второй мировой — коллаборационист; в апреле 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

⁷⁸ Публикация не состоялась.

⁷⁹ *Шарль Дюбос* (Charles Du Bos; 1882–1939) — французский критик, историк французской и английской литературы, в первой половине 1920-х гг. друг Андре Жида, один из авторов журнала “Nouvelle Revue Française”; в 1923–1924 гг. заведовал серией, посвященной произведениям иностранных авторов (“*Feux croisés: Ames et terres étrangères*”) в издательстве «Плон» (см. примеч. 44). Очевидно, что адресация Ремизова к Дюбосу, в сфере интересов которого была русская литература XIX в., была подготовлена Л. Шестовым, который познакомился с критиком с 1922 г. Через несколько лет Дюбос принял к печати в своей серии перевод ремизовской повести «В поле блаkitном» (*Sur champ d’azur / Trad. J. Fontenoy. Paris: Librairie Plon-Nourit, 1927*). Ср. фрагмент черновых материалов к роману «В розовом блеске»: «Фонтенуа перевел “В поле блаkitном” (I и II ч<ась> “Оли”), вышла в Plon с одобрения Дюбоса (Charles Dubos)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49–50).

⁸⁰ *Käthe Rosenberg* (1883–1960) — переводчица ремизовских произведений, состоявшая в родстве с женой Томаса Манна; в 1924 г., помимо рассказов для немецкой повременной печати, подготовила к изданию повести «В поле блаkitном» (Berlin: S. Fischer Verlag, 1924) и «Пятая язва» (München: Propylaen Verlag, 1925).

⁸¹ Подразумеваются гонорары за издание книг на иностранных языках.

⁸² *Владимир Васильевич Диксон* (V. Dixon; 1900–1929) — поэт, прозаик; американец по отцу, в 1917 г. уехал с родителями из России в США (Кембридж), с 1923 г. жил в Париже; подружился с Ремизовыми в 1924 г. через Г.Г. Шклявера, с которым молодой поэт был дружен со времен обучения в Кембридже; в 1927 г. открыл в Париже собственное издательство «Вол», в котором выпустил книгу Ремизова

«Оля» (1927). В 1929 г. скончался от эмболии. Его посмертная книга «Стихи и проза» (Париж, 1930) вышла с предисловием Ремизова. См. о нем: *Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подгот. текста, сопроводительная статья А.М. Грачева. СПб., 2013. С. 73–74, а также посвященный материалам из архива Диксона выпуск журнала “James Joyce Quarterly” (1992. Vol. 29. No. 3) и, в частности, статью: *Manouelian E.* Aleksei Remizov and Vladimir Dixon. P. 557–563.

⁸³ *Евгений Александрович Ляцкий* (1868–1942) — критик, историк литературы, этнограф, фольклорист, прозаик; уехал за границу в 1917 г., жил в Финляндии, Швеции, Чехии; в 1923–1926 гг. руководил в Праге издательством «Пламя», редактор газеты «Огни» (1923–1924), с 1925 г. профессор Русского народного (свободного) университета; сотрудник журнала «Воля России».

⁸⁴ Историю несостоявшегося издания четвертой редакции романа «Пруд» в издательстве Е.А. Ляцкого «Пламя» см.: *Грачева А.М.* Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период. С. 332–334; *Keys R.* New light on Remizov's first novel *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The “Plamia” Publishing House // *Slavonica*. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 61–88.

⁸⁵ *Виктор Михайлович Ремизов* (1876–1919) — брат А.М. Ремизова, банковский служащий; с 1914 г. в армии; после Октября 1917 г. инспектор Красной армии; попал в белогвардейский плен; расстрелян.

⁸⁶ Речь идет о домработнице.

⁸⁷ Нянька Анисья — собирательный образ пожилой прислуги, восходящий к няньке, ховившей за С.П. Ремизовой-Довгелло в детстве, и проецированный Ремизовым на самого себя. Ср.: «А я вам скажу, кто я. Я — нянька Анисья (Анисья Алексеевна) и я — горничная Аннушка (Анна Борисовна) и я же, — повар Дементий Петрович. Загляните на кухню, <...> когда я за своей работой и без всякого торможения и никто меня не дергает и в тишине: с двенадцати ночи и до трех или немного позже. Отрываясь от беспокойных сливающихся строчек, в раздумье, я вдруг замечаю (я как очнулся во сне, продолжая сновидение), что я не один: под кастрюлями горничная Аннушка с поджатыми губами, — я не решаюсь спросить, что ее сегодня так расстроило, какая забота? <...> ...а вот и нянька Анисья, знаю, как ей трудно, а поднялась к плите, спасибо, это она осторожно ставит на стол к рукописи мой волшебный “фильтр”, — кофе, и отошла в угол...» (*Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 2002, С. 195).

⁸⁸ Неустановленное лицо.

⁸⁹ *Петр Петрович Сувчинский*, граф (наст. фам. Шелига-Сувчинский; 1892–1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик. О его взаимоотношениях с Ремизовым см. также: *Хьюз Р.* Из писем П.П. Сувчинского к А.М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост.: Вс. Багно [и др.]. М., 2009. С. 759–770.

⁹⁰ *Герман Леопольдович (Герш Липович) Ловцкий* (нем. Hermann Lowtzky; 1871–1957) — композитор, музыковед, литературный и художественный критик; автор музыки для балета на тему новеллы «Красочки» — «Красочки. Симфоническая пантомима для оркестра. Текст Алексея Ремизова» (1912; РГАЛИ. Ф. 2730. Оп. 1. Ед. хр. 4). Подробнее об истории несостоявшейся постановки см. наш комментарий: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 12. СПб., 2016. С. 919–921.

⁹¹ Речь идет о журнале «Евразийская хроника» / (Прага, 1924–1926; Париж, 1926–1928; Берлин, 1935–1937).

⁹² Д. Белорицки. См. примеч. 17.

⁹³ *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович*, князь (*D.S. Mirsky*, Д. Мирский; 1890–1939, в лагере) — литературный критик, литературовед, публицист; в 1921–1932 гг. жил в Лондоне; активист евразийского движения; в 1931 г. вступил в коммунистическую партию Великобритании; в 1932 г. вернулся в СССР.

⁹⁴ См. примеч. 13.

⁹⁵ Речь идет о публикации: *Gone Out* / Transl. by J. Cooper // *The Slavonic Review*. 1924. Vol. 3. № 7. P. 31–37.

⁹⁶ См. примеч. 42.

⁹⁷ От *socotte* (*фр.*) — специальная посуда (кокотница) для запекания в соусе.

⁹⁸ *Александр Яковлевич Аросев* (1890–1938, в заключении) — издательский работник, литератор, сотрудник журнала «Красная новь»; один из руководителей артели писателей «Круг», дипломат; корреспондент Ремизова в 1922 г. См. о его эпистолярном общении с Ремизовым: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // *Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. / [Отв. ред. сост. Н.А. Прозорова]*. СПб., 2018. С. 36–45.

⁹⁹ См. примеч. 53.

¹⁰⁰ *Борис Андреевич Пильняк* (1894–1938) вошел в близкий дружеский круг общения Ремизова в 1921 г., когда вокруг писателя образовалось, по его выражению, «гнездо» начинающих писателей. Тема литературной преемственности раскрыта Ремизовым в его первой берлинской книге «Ахру: Повесть петербургская» (Изд-во З.И. Гржебина, 1922), где, перечисляя имена пишущей молодежи, он особо отметил московского товарища «Серапионовых братьев»: «...Дом Искусств и Дом Литераторов огласился новыми молодыми птичьими голосами, — и эту весну не забыть. Самый изобразительный и охватистый — большак — Б.А. Пильняк (*Wogau*), он и старше всех, уж книгу издал, сидит в Коломне под Москвой у Николы-на-Посадах, корову купил. На Пасху снялся в Петербург — А.М. Горький вывез! — привез роман “Толый год” и повесть “Ивана-да-Марью”» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 2002. С. 19). В феврале-марте 1922 г. Пильняк был командирован в Берлин, где провел два месяца в тесном общении с Ремизовым. О большом впечатлении от личности писателя, которое он вынес из поездки, свидетельствует признание в очерке «Заграница» (1922, начало апреля): «Ремизов — не пишет, а *делает* слова (вы помните его руки, всегда красные, в карандашной пыли. — Когда смотришь на них, видишь, в них зажаты слова, и эти слова имеют в сё: Ремизов не пишет, а *делает*, не пером, а *руками*)» (цит. по: *Встречи с прошлым*. Вып. 7. М., 1990. С. 192). Собственно, тема «прикладного» художественного мастерства, которому можно научиться, как ремесленник учится у мастера, задала личную тему отношения Пильняка к Ремизову, о котором в другом месте очерка «Заграница» писатель сказал с нескрываемым восхищением: «Алексей Михайлович Ремизов. Надо знать, надо видеть его — и тогда нельзя его не любить, никому» (Там же. С. 193).

¹⁰¹ См. о ней: *Литературный факт*. 2018. № 7. С. 70.

¹⁰² *Фрида Лазаревна* и ее муж, инженер Яков Самойлович Шрейбер, были знакомы с Ремизовыми с 1914 г. через Л.И. Шестова; семья жила в Берлине.

¹⁰³ *Виктор Григорьевич Вальтер* (1865–1935) — скрипач, в 1890–1915 гг. концертмейстер Мариинского императорского театра; автор первого биографического

очерка о А.К. Лядове (1915). В архиве Ремизова сохранилась записка Вальтера от 11 июля 1924 г., из которой очевидно близкое отношение корреспондента к труппе С.П. Дягилева и его дружескому кругу, в частности к В. Нувелю (Amherst. Series 1. V. 1. F. 11. P. 1).

¹⁰⁴ Речь идет о личных вещах, оставшихся в Берлине после отъезда Ремизовых в Париж.

¹⁰⁵ *Надежда Васильевна Балаховская* (урожд. Черноярова) — жена Георгия Даниловича Балаховского; родственники сестры Л.И. Шестова.

¹⁰⁶ Подразумевается Paul Boyer (в русифицированном варианте: Павел Юльевич Буайе; 1864–1949) — французский ученый-славист, открывший первую кафедру русского языка в Школе восточных языков в Париже в 1891 г.; с 1908 по 1936 гг. директор этого института; вместе с Андре Мазоном (Andre Mazon) был одним из основателей журнала “Revue des études slaves” в 1921 г.

¹⁰⁷ Вероятнее всего, не старшая, а младшая дочь биохимика, советского академика Алексея Николаевича Баха — *Ирина Алексеевна Бах-Балаховская*, которая была замужем за внучатым племянником Шестова Сергеем Даниловичем Балаховским. В 1925 г. они уехали в СССР. Старшая дочь А.Н. Баха — ученый-химик Наталия Алексеевна Бах (1885–1979) вернулась в Москву в 1920 г.

¹⁰⁸ *Георгий Гаврилович Шклявер* (1897–1970) — переводчик, литератор; сотрудник парижского журнала “La Vie des Peuples: Revue synthétique de la pensée et de l'activité françaises et étrangères”, в котором, в частности, весной 1924 г. опубликовал статью о Ремизове: *Shkliaver G. Alexei Remizov // La Vie des peuples*. 1924. № 49/50. Mai-Juin. P. 151–157; во второй половине 1930-х гг. — юрист, профессор Сорбонны, специалист по международному праву, составивший так называемый «Пакт Рериха» (международного соглашения для охраны памятников искусства) в Европе; со времени основания (1929) генеральный секретарь Общества друзей музея имени Н.К. Рериха. В письме от 20 июля 1924 г. Шклявер рекомендовал Ремизову «отличную переводчицу — Ольгу Петровну Витали», обещал принести номер журнала “La Vie des Peuples: Revue synthétique de la pensée et de l'activité françaises et étrangères” (1924. Mai-Juin. № 49/50), в котором была опубликована ремизовская сказка «Суд Божий» в его переводе на французский, а также благодарил за дарованную ему обезьянью грамоту (Amherst. V. 3. F. 11. P. 6a).

¹⁰⁹ См. примеч. 108. В своем письме (Amherst. V. 3. F. 11. P. 8–8a) О.П. Витали, предлагая услуги переводчика на французский язык, упоминала о брате — министре иностранных дел (1906–1910), русском после в Париже до 1917 г. *Александр Петрович Извольском*. Переводы Витали в библиографии Ремизова отсутствуют, хотя, судя по ее письму, адресованному писателю осенью 1924 г. (Amherst. V. 3. F. 13. P. 6), она занималась рассказами «Жертва» (1909) и легендами из сборника «Трава-урава» (1922).

¹¹⁰ Лимон — в значении «миллион». Жаргонное выражение появилось в России в период послереволюционной инфляции 1920–1923 гг. Ср. из печатного выступления Ремизова 1921 г.: «Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) — вот такую кипу — полный портфель! — купили мы сахару...» (цит. по: Литературный факт. 2018. № 7. С. 20). Письмо Витали напечатано на пишущей машинке и подписано от руки отчетливым почерком. «Подкладка» позднейшего иронического замечания (ср. текст оригинала письма), связана с фамилией новой корреспондентки Ремизова, переводчицы сочинений В.В. Розанова — Натальи Владимировны Лимонт-Ивановой (Limont-Ivanova, Limont-Saint-Jean), встреча с которой, судя по ее письмам, состоялась в 10-х числах мая 1924 г. (Amherst. V. 3. F. 9. P. 31–31a). О ее вкладе во французскую библиотеку сочинений Розанова Ремизов упомянул в воспоминаниях «“Воистину”».

Памяти В.В. Розанова: К 70-й годовщине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) — 1926» (Версты. 1926. № 1. С. 81–86). Ср.: «А мне попало тут единственное, что по-французски переведено: Vassili Rozanov. “L’Eglise russe”. Traduit avec l’autorisation de l’auteur par N. Limont-Saint-Jean et Denis Roche. Paris, Jouve et Cie. Editeur, 1912» (цит. по: Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 2003. С. 314). Для этой же книги Лимонт в соавторстве Роше написала предисловие: *Limont-Saint-Jean N., Roche D. Avant-propos des traducteurs // Rozanov V. L’église russe. Paris: Jouve & Cie Éditeurs, 1912. P. 5–6. Письма Лимонт за 1917 г. сохранились в архиве Розанова (РГАЛИ).*

¹¹¹ См. примеч. 44. St. Sulpice — одна из самых крупных приходских церквей Парижа — Церковь Святого Сульпиция (L’église Saint-Sulpice) в районе Сен-Жермен.

¹¹² Семья Якова (Жака) Савельевича Шифрина (J. Schiffrine; 1882–1950) — владельца парижского издательства «Плеяда» (“Editions de la Pléiade”, впоследствии «Плеяда — Галлимар»), переводчика.

¹¹³ Ремизов Сергей Михайлович (1875–1921) — брат писателя. Ида Федоровна Ремизова (урожд. Рюккерт) — жена Виктора Михайловича Ремизова (см. примеч. 85).

¹¹⁴ Путешествие в страну четвертого измерения (*фр. букв.*). Так называется сатирический роман (1912) фантаста Гастона Павловски (G. de Pawlowski), переизданный в 1923 г. парижским издательством E. Fasquelle с иллюстрациями Леонарда Сарлуи (Léonard Sarluis). Интерес писателя к этому изданию возник в связи с работой над повестью «По карнизам» (1929). Подробнее см.: *Обатнина Е.Р. «Я душа человечья» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собр. соч. [Т. 11]: Зга. СПб., 2014. С. 605–603.*

¹¹⁵ Подразумеваются супружеская пара Вольфсон — Марк Карлович (1883–1942) и Эрна Сигизмундовна.

¹¹⁶ Речь идет о проекте двух книг в издательстве «Плеяда»: издания коллекции ремизовских снов и рассказа «Петушок» (“Pierrot”) в переводе Ж. Фонтенуа (Jean Fontenou) и Бриса Парэна (Bris Parain) и оформлении Бориса Григорьева. Оба проекта не состоялись. О переговорах с Б. Григорьевым Шифрин сообщал Ремизову в письме от 4 июля 1924 г. (Amherst. B. 3 F. 10. P. 51). В письме от 24 октября Григорьев сообщал Ремизову о подготовке иллюстраций к «Петушку»: «У меня всё готово. 14 рисунков, постарался для Вас. Мне очень нравятся они, увлекся очень — очень мое, очень — Ваше тоже, полагаю, что мы сольемся в единое и дадим вдвоем Россию. Больших вышло 6, а не четыре, это надо было для полноты, маленьких 8, как было условлено, но и эти можно печатать не уменьшая, тогда книга будет богатая. Издательство прекрасное, чего же еще?» (Amherst. B. 2. F. 7. P. 76). Как вспоминал Ремизов в черновой редакции романа «В розовом блеске», «на издание с иллюстрациями Б. Григорьева была объявлена подписка *Éditions* de la Pleiade, 1925, но ничего не вышло, подписчиков не оказалось, всего только один С.Я. Осипов (Берлин)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49).

¹¹⁷ *букв.*: добрый фунт телятины (*фр.*).

¹¹⁸ *букв.*: хорошее время (*фр.*).

¹¹⁹ Подразумевается почерк дочери Ремизовых — Натальи Алексеевны (1904–1943), которой 18 апреля 1924 г. исполнилось 20 лет; жила в Киеве.

¹²⁰ Речь идет о бронировании гостиницы для семьи Шреберов.

¹²¹ В работе над повестью «Оля» Ремизов использовал записи и воспоминания С.П. Ремизовой-Довгелло о детстве и юности. В данном случае речь шла об ее

подруге *Катерине (Катрусе) Константинович*, выведенной в повести под именем *Нина Мавлютина*. См. комментарий В.Н. Быстрова к повести: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 15: В розовом блеске. СПб., 2019. С. 696.

¹²² Ближайший круг друзей Ремизовых, сестры *Черновы* — *Ольга Викторовна (Митрофановна)* (урожд. Федорова, в замуж. Андреева; 1903–1979), *Наталья Викторовна (Митрофановна)* (урожд. Федорова, в замуж. Резникова; 1903–1992) и *Ариадна Викторовна*, прозванная Ремизовыми «Аукой» (в замуж. Сосинская; 1908–1974).

¹²³ Лисевна — прозвище О.Е. Колбасиной-Черновой.

¹²⁴ *Илья Николаевич Коварский* (1880–1962) — доктор медицины, эсер, основатель издательства «Родник» и владелец одноименного книжного магазина в Париже. Его жена *Лидия Антоновна Коварская* (урожд. Налон-Домбровская, 1874–1965) по своему жизненному пути наиболее соответствовала опыту и идеалам С.П. Ремизовой, поскольку обе они были выпускницами Бестужевских курсов, обе состояли в партии эсеров. Коварская революционную деятельность начала в Киеве, куда переехала в 1899 г. и где вступила в партию; была арестована и содержалась в Лукьяновской тюрьме; в Харькове встречалась с Азефом. После Февральской революции, как и ее муж, была избрана в члены Московской городской думы; в Париже занималась изданием книг для детей.

¹²⁵ Ср. описание реальных событий лета 1924 г.: «И вот получилось письмо с Моря-Океана: завтра С.П. будет дома. Письмо я получил днем, а вечером мышка пропала — мышка ушла и не показывается: поняла! — ушла в свою норку: отслужила! А какая умница эта мышка! Она и стерегла меня, пока я был один, она выкраивала в пространстве узоры, как я мои буквы на бумаге. Она была моим стражем и живою тенью моих мыслей» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. [Т. 11]: Зга. С. 479). Подробнее о мотиве «святой» мыши см.: *Обатнина Е.Р.* «Я душа человечья» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929). С. 500–600.

¹²⁶ Монашонок — прозвище Эрны Сигизмудовны Вольфсон. См. примеч. 113.

¹²⁷ Воспоминания о поездке на озеро Ammersee (Верхняя Бавария). См. подробнее: Литературный факт. 2018. № 7. С. 36.

¹²⁸ букв.: хороший кусок (*фр.*).

¹²⁹ Речь идет о работе над повестью «Оля» (1927). Зинаида Павловна Максимова — сокурсница С.П. Довгелло, прототип Зины Орловой.

¹³⁰ См. примеч. 122.

¹³¹ Возможно, *Николай Александрович Антипов* (1889 — после 1940), литератор; эмигрировал в 1920 г.; в 1921–1922 гг. проживал в Тунисе, затем в Чехословакии; окончил русский юридический факультет в Праге, был секретарем и товарищем председателя Объединения русских эмигрантских студенческих организаций в 1924–1930 гг.; один из редакторов журнала «Своими путями» (Прага, 1924–1926).

¹³² Речь идет о подготовке к печати списка «Жития протопопа Аввакума». См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Версты. 1926. № 1. С. 1–73.

¹³³ См. примеч. 91. В письме Ремизову от 20 августа 1924 г. Мирский отчитывался: «Аввакум английский поехал печататься» (Amherst. В. 3 Ф. 11. Р. 30). О переговорах Мирского с английскими издателями см.: Неизвестные письма Д.П. Святополка-

Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 349–367.

¹³⁴ См. примеч. 108.

¹³⁵ Rue Trézel в 17-м округе Парижа.

¹³⁶ В оригинале упоминается невеста В.В. Диксона. См. с. 99 наст. публ.

¹³⁷ *Павел Павлович Муратов* (1881–1950) — искусствовед, писатель, с 1923 по 1927 г. жил в Риме, затем переехал в Париж.

¹³⁸ *Михаил Осипович Гершензон*. См. о последней встрече Ремизова с историком литературы: Литературный факт. 2019. № 11. С. 29.

¹³⁹ *Надежда Александровна Павлович* (1895–1980) — поэтесса, переводчица, детская писательница, мемуаристка, критик; в 1919–1920 гг. работала в президиуме Всероссийского союза поэтов; в 1920 г. приехала из Москвы в Петроград для организации петроградского отделения Союза, тогда же познакомилась с Ремизовыми; в 1922–1923 гг. жила в монастыре Оптиная пустынь, выполняя послушание старца Нектария в качестве исполняющей обязанности заведующей Оптинского музея.

¹⁴⁰ А.В. Чернова.

¹⁴¹ Переводчица Н.Л. Аркина обратилась к Ремизову письмом от 22 июля 1924 г. с предложением подготовить норвежское издание его произведений (Amherst. В. 3. Ф. 11. Р. 1–13а). Упоминание о ней, как и о рекомендации Алданова, является позднейшей вставкой в текст оригинального письма. Очевидно, Ремизов, работая над рукописью в 1945–1948 гг., полагался на обнаруженное им в архиве письмо переводчицы, перепутав, что рекомендовал ее не Алданов, а живший после революции в Норвегии М.А. Дьяконов, который переменял о ней мнение уже осенью и в письме Ремизову от 31 октября 1924 г. выражал сомнения по поводу ее русского языка и вообще способностей к переводу (Amherst. В. 3. Ф. 11. Р. 13–13с).

¹⁴² *Марк Александрович Алданов* (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — прозаик, публицист, общественный деятель; в эмиграции с 1919 г.

¹⁴³ См. примеч. 117.

¹⁴⁴ Речь идет о новелле «Демонстрация» из второй части повести «Оля» — «С огненной пастью».

¹⁴⁵ Речь идет об особняке кн. Владимира Александровича на Миллионной, 27, где с 1920 г. располагался Дом Ученых и столовая для ученых и писателей, получавших карточки по Академическому пайку. См. также примеч. 28.

¹⁴⁶ Верхнее архиерейское богослужбное облачение.

¹⁴⁷ По-видимому, искусствовед и литератор *Александр Павлович Иванов* (1876–1933) — брат Евгения Павловича Иванова, друга А.А. Блока.

¹⁴⁸ *Антон Владимирович Карташев* (1875–1960) — историк церкви, профессор Духовной академии (1900–1905); один из основных участников христианской коммуны, образованной вокруг церкви Третьего Завета Мережковских (1906–1908); после Февральской революции 1917 г. вступил в партию кадетов и стал одним

из лидеров ее правого крыла; состоял на должности товарища обер-прокурора Синода, во Временном правительстве был министром по делам религии. Поддержал корниловский мятеж; был арестован в ночь на 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце и освобожден в конце января 1918 г. С этого времени жил на нелегальном положении. В январе 1919 г. перешел границу с Финляндией и стал руководителем антибольшевистского «Русского национального комитета»; оказывал поддержку Н.Н. Юденичу, А.В. Колчаку, А.И. Деникину; с мая 1920 г. жил в Париже.

¹⁴⁹ Женильба Карташева состоялась в 1922 г. в Париже. В 1923 г. Зинаида Гиппиус передавала С.П. Ремизовой-Довгелло свои впечатления о супружеской паре: «Карташева я давно не видала, с мая, кажется. Жена его неопрятная, дебелая, пишет ему на машинке, готовит, во всё вмешивается. Из духовного звания, но вдова офицера. У нее сын лет 12-ти. Строгая клерикалка, блюдет малейшие посты. Кажется, держит его в руках. Сам Карташев сделался плотный, кряжистый, шея как у быка, совсем, как мы назвали “барин, брюки и брелоки”. <...> выезжают они всегда семейно, жена в декольте» (Письма З.Н. Гиппиус — С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной; в печати). О причинах, по которым один из ближайших участников образованной Мережковскими коммуны «новых христиан» удостоился таких уничижительных оценок, см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сборник статей и материалов / Сост. М.М. Павлова. М., 2004. С. 391–455.

¹⁵⁰ Павел Николаевич Милоков (1859–1943) — историк, публицист, лидер Конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы), в марте–мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции, в конце 1920 г., занял позицию объединения с социалистами на основе признания принципов республиканского и федеративного порядка в России, уничтожения помещичьего землевладения, развития местного самоуправления. С 1 марта 1921 г. возглавил редакцию газеты «Последние новости»; в июне вышел из кадетской партии и стал одним из организаторов Парижской демократической группы Партии народной свободы. Политическая стратегия и тактика Милокова враждебно воспринималась радикально настроенными эмигрантскими кругами.

¹⁵¹ Соломон Львович Поляков (псевд. Литовцев; 1875–1945) — журналист, прозаик, драматург, общественный деятель; с 1915 г. жил в Англии; в 1921 г. поселился в Париже; соредактор Минского в берлинской газете «Голос России» (1921–1922); в 1924–1925 гг. генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов.

¹⁵² Жена Полякова-Литовцева.

¹⁵³ Пассажи́рский поезд (нем.).

¹⁵⁴ Очевидно, речь идет о предисловии к четвертой редакции романа, предполагавшейся к печати в пражском издательстве «Пламя» (см. примеч. 82). Отчасти этот текст опубликован в качестве заметки «О разных книгах» (Воля России. 1926. № 8/9. С. 230–234), написанной по поводу выхода чешского перевода (Rybniik: Roman / Překl. L. Ryšavy. Praha: Družstvo Přatel studia, 1923).

¹⁵⁵ Дед Мороз (фр.).

¹⁵⁶ Счастливого Рождества (фр.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Paris
1924**

Paris
№ 44

«Радуется заяц, избегши из тенета,
радуется писец, дописав конца».
На макаронах у Осоргиных,
наевшись —
на Бальмонта так и не попали.
Это то, о чем мне снится часто
я куда-то должен идти
а сижу — время идет. А.Р.

<надпись на глаголице: Обезвелволпал>

Paris 1924
№ 45

- 1) Поставь воду (чтобы закипело);
- 2) <поставь> кофейник (чтобы булькнуло неск<олько>
раз);
- 3) из кофейника перелей в Карлсбадский (кофе я положил);
- 4) а из чайника кругом налей.
Вот и готово.
- 5) Молоко скипятил <sic!>, только подогреть.
У доктора от 1½–2 ч<аса>.

<Запись на отдельном листе:>

17 Juillet — 27 Juillet
M-me Jeanne Huguenet-Fleury
Le Clion
Villa Kerbellec
La Loire-Intérieure

***

Paris 1924
17 июля
№ 46
№ 1

Деточка, вот и письмо начинаю. Дождик-дождик. Десяти нет, а едва сижу, спать хочется. Не удалось днем. Была Miss Harrison. Замучил ее чтением, да и сам надсаживался: вот задремлю.

Поздно вечером заходила Екат<ерина> Вл<адимировна> <Селевина> за маслом: я ей отдал и в придачу сыр тот, уверив, что ты его только что купила, а есть нельзя: остро.

Получено два письма на одну тему: тебе и мне от родителей Залкинда (попрошу их в субботу в 5–5¼). 22-го они уезжают. И еще письмо — мне от какого-то, привет от Яппу тебе, да ему сказали, что я уехал в Америку.

Насочиняют!

Его попрошу в 6-ть в<ечера> в понедельник после Harrison (21-го).

Книги занес в Ecole. Выпил кофею с круассанами. Отдал дураку твои туфли. Окончательно прибрался. Ничего лишнего не висит и не лежит.

Написал Лоллию <Львову> и Сергею Яковл<евичу> <Осипову> и Pierre'у.

Посылаю вырезку о Карлсбаде. Нет, раньше ехать нам страшно. А ну-как комнаты бесплатной не дадут. Куда. И д<олжно> б<ыть> большие цены. В крайнем случае, конечно, можно и на 4 недели.

Залкиндам скажу, что ты поехала на разведки: чтобы меня везти.

Harrison мало чего поняла, только не удивилась. Она в 12-ь проводила Mirrlees; и вышла неприятность: билет та дома забыла, едва поспела.

Письмо мое пустое. Мысли мои сонные: всё спать-спать. И на душе тревога.

Ей Богу же, не от еды я устаю так, а от бурлящих, разбирающих дум моих.

Только подумай: 1) весной скучал о Германии;

2) как от молитвы бес, оттолковение от здешних;

3) и возмущение марксистско-материалистскими указками;

4) вся душа за расплату;

5) тупые машинные плямки!

<Надпись сбоку листа:> Газеты принесли, книг нет.

Ах, деточка, у меня — горящий клубок мыслей, молчаливых.

И мне хочется всё высказать.

Ну для примера:

1) один «покорный» — всё принять, всё вынести, как судьбою положенное;

2) ничего не приму, п<отому> ч<то> не могу ничему подчиняться

на зло буду наоборот.

пальцем не пошевелю

3) отказался от академ<ического> пайка — —

потому что жена хороший получает.

Честь-то какая!

«Могу гордо и с правом обо всем говорить!» — это потом.

Понимаешь ты, понимаешь ты, как всё крутится. Вот еще богатых не люблю. А будут всегда.

Духом-то, кто живет и можно ли жить на земле, нельзя д<олжно> б<ыть>.

А кто хочет (я хочу) — только чудом поддержит «как-нибудь прожить».

Да стоит ли как-нибудь.

Ну, нам туда-сюда, ну и другим.

Разве пожелаешь такой жизни.

Ну, до свидания, лапусичек. Смотри, как там. Океан! Купайся, не беспокойся. Мне только бы сделать сделать <sic!> всё успеть. Тогда я поправлюсь. Обид много — несправедливости и жалости — сердца не хватает.

А.Р.

Paris 1924

18 июля

№ 47

№ 2

Деточка, тебе два письма: 1) Евг<ении> Ф<едоровны> Книпович — не получала она «Снега»,

2) Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой — нет, пишет, никаких «комитетов», а попробует написать кому-то, ссылаясь на твое письмо (выписки сделает).

3) От Познера — приглашает на сегодня (Жорж <Георгий Познер> кончил гимназию). Я ответил (простым), что ждем гостей из Палестины и никак не можем.

4) От Розенберг — 35 Renten' mark — это за «Изошел» (в каком-то журнале напечатано).

Вот если бы мне зарабатывать!

У Ар<иадны> Вл<адимировны> в письме есть фраза: «иностранный считают, что пора нам не ходить с ручкой».

Очень жестоко. Ведь, это ж неволя заставляет.

Я подумал: если уж приходится «с ручкой» — ведь мы тоже! (это ужасно).

Не надо заставлять и в яви руку держать (это Шестову).

Ведь, я же мог бы и без ручки при каких-то других условиях — отношениях.

А Рёрих (это на дураков) — «книга и плач!».

Да, когда думать не надо по мелочам, тогда хорошо и «книга и плач».

Это я всё жалуясь.

Второй день, как очнусь, и жалуясь.

И очень обрадовался, когда получил эти деньги, какие-то свои «без «ручки»».

Никто не был. Я выходил — за кофеем и чаем в Passy.

Почему-то (я заметил) со мной в магазинах всегда много разговаривают. Ясно и понятно сказал, как ты учила. И все-таки долгую канитель затеяла продавщица о каком-то турецком кофе.

А вчера (забыл написать) вспомнил, что Harrison надо молока к чаю, пустился молочную искать. Слава Богу, сразу нашел, но от смущения (неуверенность, есть ли молоко — сыр вижу, а молока не вижу — бутылок) — назвал продавщицу Monsieur, а платя, уронил 5 еси.

К автоматичности нашей Madame: прощаясь, она сказала, как всегда “au revoir, monsieur-dame!”, хотя знает, что, кроме меня, никого.

Начал «Анну Ивановну».

Хотел бы продолжать, да не могу долго сидеть — еще не «отоспался». А думаю об Ан<не> Иван<овне>, какая она кроткая, и самое главное, должно быть, место:

1) когда чайник под подушку, почитать готовилась и спать.

2) а потом, когда Оля ей не поклонилась.

Тут есть: в первом тихость одинокого и незаметного, а во втором чувство боли (несправедливости), и понимание, и опять боли (одинокого), и прощения, по «кротости».

Сна не помню.

Надо будет замечать.

Очень холодно сделалось — всего 10°R. Окна закрыты. А спал с открытым и просыпался, что холодно.

Завтра пойду к Маку Орлеану (Mac-Orlen), вернусь и приготовлю чай — печенье есть, хватит.

Я, деточка, письмо вслух пишу и «Анну Ивановну» вслух.

Ты не беспокойся.

Узнавай, гляди — какой Океан, и разговаривай побольше («для практики»).

Без языка-то неловко. Ну, до свидания, деточка, купайся. А.Р.
В газетах ничего нет интересного.
Вот холод-то, хоть фуфайку надевай.

Paris 1924

19 июля

№ 48

№ 3

— Слава тебе, Господи, что нас не оставляешь —
странные души наши, странствовать в этой жизни —
еще на один месяц даешь нам жить!
Деточка, получил чек от “Plon” на 1000 frs. за “Sur champ d’azur”.
Но только во вторник могу получить: в понедельник Miss Harrison,
а потом из Палестины.

Писем тебе нет.

Мне — от Долмата <Лутохина> открытка: адрес Тукалевского,
который тебе обещает материалы археологические. Долмат тебя
поздравляет «с кафедрой».

Из “Russische Echo” просто «Русское эхо», где мой портрет
Бор<иса> Григор<ьева> и воспроизвед<ение> моего рукописания
(это Сергей Яковлевич <Осипов>, помнишь, писал). 2 экз<емпляра>.

Были Залкинды: тебе от Л<юбови> Я<ковлевны> Яппу —
вышитый квадрат серебром, и медная чашечка с крышкой, а мне
кальян. <Рис. с подписью: (немножко курнул — и голова заболела)>.
Поил их чаем с печеньями. Мать очень кроткая, как В<иктор> А<лек-
сандрович> Залкин<д>, а отец похож на брата Рахиль Григорьевны.
<Рис.: автопортрет с кальяном>

<наклеена открытка с городским пейзажем>

Это тебе, деточка, в твоё рождение — в четверг было 17-го —
4-ое по с/г. как раз.

Что-то в понедельник передаст неизвестный?

Был ненадолго у Mac Orlan’a. Он уезжает в понедельник и до
6-го августа не будет в Париже. Денег (аванс) сейчас всё равно не
получить: уехал издатель. Но всё равно, — гов<орит> Mac Orlan, —
надо, чтобы Pierre пришел в Renaissance du Livre, а он не идет. Я ска-
зал, что Pierre уезжает.

Мне так кажется, что деньги получить можно или в сент<ябре>
или даже в октябре. Я еще напишу Pierre’у. Условия будут такие же,
как у “Plon”. Я показывал ему контракт.

Когда сидели Залкинды, чай пили, приходила Палагея <Пелагея Ивановна Чайковская-Терещенко>. Я ей сказал, что это — гости из Палестины. Она сейчас же ушла. Придет завтра. Говорит, что всю неделю «продавала».

Хорошо, если есть, что продавать.

А есть, конечно. А может, всё это неправда.

Как только ушли Залкинды, пришел Ходасевич. Один. Вчера было рождение самого Познера. Нас ждали. Рассказывал о Эренбурге: что он рассказывал.

О Шкапской, м<ежду> пр<очим>, вроде помешательства: пишет стихи о выкидышах всего мира.

А<лексей> Толстой в загоне не от писателей, которые в конце концов простили, а от партийных: называют «Лакей».

Может, потому и простили, что очень уж травят.

В загоне и А<ндрей> Белый. Но он — в антропософии. Про Книпович он ничего не знает. Все в унынии. Грубость повсюду. И доносы.

Я дал ему «Никол<ины> притчи» и для передачи Познеру.

Да, пошел сегодня к Мас Orlean'у, зашел купить сахару: ведь чего проще Kilo de sucre cassé.

Но чего-то так долго опять со мной разговаривали, пока я не ткнул пальцем.

Утром, как встал, в молчании записал сон. Я не посылаю тебе, лучше всё покажу, когда будешь дома.

М<ежду> проч<им>, видел чек.

Писал «Анну Ивановну». Осталась последняя часть.

Ну, до свидания, лапусичек.

Окна закрыты. Сижу в платке. 12°R, а днем было только 15°R. Холодно. В Карлсбад надо будет взять фуфайку.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 18 на 19-ое VII

№ 3

Я сразу почувствовал, что что-то нарушил — какие-то наши явные пространства — я приоткрыл дверь и очутился в комнате: к окну спиной сидит Л<ида Довгелло> и чистит на себе ботинки (с одной пуговицей).

Я сказал:

— Я *тоже* не получил этот № “Prager Presse”.

Она продолжала чистить с остервенением — ботинки черные. Я понял, это чистит, чтобы восстановить содержание неполученной газеты. И мне ее стало очень жалко. Я подошел и погладил ее по голове: голова шершавая, совсем не человеческая.

И проснулся от страха.

И опять, но это уж не так глубоко, а ведь только глубокое, разрушающее нашу явную меру, страшно:

На лестнице в какое-то Учреждение, в черном сюртуке похож на Тинякова, весь просвечивающийся.

Он мне говорит, что религиозно-обрядовых организаций в России больше нет: он подразумевает хоругвеносцев.

«Да, конечно, нет и не может быть, раз Кремль закрыт», думаю и утешаю его, что это всё пройдет «само-собой».

Он торопится:

— «Мне надо к Н.М. Ремизову: *чек* получить».

Я не стал его задерживать, вспомнил, что Николай обещал мне *чек* и этот *чек* он для меня и должен получить.

— Очень вас прошу, получить, пожалуйста!

Тут какой-то как перелет через пространства, но поверхностно.

Темно. Очень тихо. Комната дачная с балконом. Всё очень легкое, мебель, пианино. Там сад. Много цветов. Входит Наталья Васильевна. Обрадовалась. Поздоровалась со мной. Сидим к окну. Я покосился: вижу спит. Плечом к моему плечу. Попробовала отстраниться. Невозможно.

— Приросла!

Хоть бы ты пришла, что-нибудь сделала бы! Да и уйти мне невозможно. Попробовал отстранить: нет, приросли.

Входит небольшая с очень живыми черными огоньками в глазах — только глаза, как угольки. Взяла с дивана сорочку, как белок белую, слюдяную, растопырила —

И я понял, что это она там была на лестнице в этой волшебной рубашке.

«Да, *чек* получить!» — подумал.

И всё скрылось.

Paris 1924

20 июля

№ 49

№ 4

Деточка, от тебя первое письмо, а чернила-то такие жидковатые, видно мало в доме пишется.

Ты живешь в Бретани, на границе с Вандеей, а море, берег в Америке.

Тебе писем не было, мне — от Schloezer'а. И опять странно: видел его во сне, а утром — письмо.

Я представляю себе, как это ты ехала на двухколеске!

Schloezer пишет о своей статье в “L<es> nouvelles littéraires”. 1 авг<уста> появится и несколько переводов из «Никол<иных> притч». И надо портрет.

Заходил Вл<адимир> Мих<айлович> <Селевин>, ходили вместе к Ширяеву, он кончил — ничего, для газеты годится. А от Ширяева пешком (сегодня, слава Богу, тепло опять!) на 68 Rue de la Chaussée d'Antin в “maison de café”.

Это итальянский бар, самое лучшее кофе. Действительно хорошее 60 еси. чашка и кофе продают. 8.50 стоит 1 livre.

Надо там попробовать купить.

Сговорился с Ширяевым, вместе пойдем в Чешск<ое> консульство в среду и там выясним, как быть с продолжением визы и письмо надо в Германское консул<ьство>.

Я думаю, лучше бы выехать 3 августа. Спокойно всё бы сделали, и билеты ведь надо заранее. А ты, деточка, купайся и молоко пей. Не беспокойся. Завтра я сам пойду на базар говядину покупать. Вот когда стал ходить за покупками, стал встречать: вчера на Mozart — Хентову, потом Лозинского. И вижу ни тот, ни другой сразу меня не узнали.

Заходила Палагея <sic! П.И. Чайковская-Терещенко> на минутку. «Ты ушла, ждали ее — и ушла». Потом много было звонков. Сейчас только я посмотрел за дверь: карточка Dixon'а. Но я решил не отворять.

Мне надо было во что бы то ни стало написать <J.> Fontenoy о себе библиографию. Это ему для помещения в “La Revue Hebdomadaire”.

Написал. Потом письма: <Ch.> Du-Bos'у по-французски, Шлейцеру ответ, Rozenberg — о получении.

Утром. «Анну Ивановну» писал.

Придется, д<олжно> б<ыть>, перед заключением сказать о «Оле» — дать ей характеристику: что она тогда думала, а то, пожалуй, непонятно. Попробую. А ты скажешь.

На шее, как камень, дальше «Пруд» редактировать.

Но пока я не делаю.

В газетах сегодня одно интересно: из России.

Телеграмма какого-то треста другому, который потребовал уплаты в срок денег:

«Не шуми. Делов много. Заплатим завтра».

Хорошо?

Я всё думаю: в России сейчас Виктору <Ремизову> было бы вольготно. Не Сергею, не Николаю, а именно Виктору.

Потом о балтморах было интересно: с коммунист<ическими> значками венчались в церкви, поп наложил на них короны (это всё из «Правды»).

А из другого места сообщают:

В селе попа выгнали из дому, а церковь битком набита народом.

Эренбург рассказывал, что ему кричали на лекции: говори внятно, что у тебя вместо рта ж...а? И это не потому, чтобы *хотели* грубо, а просто: что ж тут особенного «ж...а»?

Деточка, ты чувствуешь, что происходит.

Я тебе еще много расскажу чудного и чуждого.

Жадность к учению необыкновенная, а одолеть сразу не могут: много в сумасш<едшем> доме и много самоубийств на этой почве.

Деточка, всё думаю, как бы нам заплатить бы и за ав<густ> и сент<ябрь> или не хватит —

Завтра уж напишу Тукалевскому.

Встаю я, деточка, рано — в 8-ь, а долго сидеть не могу. Около часу спать.

Сны тебе на бумажке записываю.

Буду беречь.

А.Р.

Нашей дуре делать нечего, так она всё полы натирает.

Пришью пуговицу и спать. Устал — много прошел.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 19 на 20 VII

№ 4

На фоне няньки (слились все няньки — старуха) проф<ессор> Келлер, перед Келлером — Сувчинский, а перед Сувчинским большая миска (кисель): большие куски киселя с молоком. Я ложкой мешаю. А сбоку Ловский <sic! Г.Л. Ловцкий> и Шлецер.

<Рис. с надписями:> нянька, Келлер, Сувчинский, Ловский, кисель.

Paris 1924

21 июля

№ 50

№ 5

Деточка, ни одного — ни тебе, ни мне,
Бандероль книга евразийская № 3 (она у нас есть).

Приходил палестинский: шелковый платок любопытный (муж<чины> арабы на голове носят) и сумочка, как кисет. (Научил, как надевать платок, но ты можешь и на плечи).

Заходила Ек<атерина> Вл<адимировна Селевина>, принесла твои туфли — каблуки короткие, по-моему, хорошо.

Заходил Диксон. На днях едет в Бордо.

Была Harrison, кончили Аввакума. Просила конверт, написать твой адрес. Потом зашел Святополк-Мирский. Он *не знает*, что ты уехала, а Harrison ведь не говорит.

Больше Аввакума читать не буду. Перевод сделан. Другие редакции — не стоит. А надо сказать, одному очень было трудно. Сегодня так изморился, просто уж с палестинским (это студент) едва разговаривал.

Святополк хлопочет, чтобы за английский перевод. «Изошел» мне прислали гонорар.

Всё остальное время писал «Анну Ивановну» — Я называю рассказ «Не из говорящих». А всю часть эту что если назвать бы: «С огненной пастью»?

На рынке у меня ничего не вышло.

1) очень много народу — не подступиться;

2) когда подступался, очень радостно и весело кричали: “Сher boucher!” Мне стало даже горько: в кои-то веки раз и только один смех.

Пошел, тут же на углу в мясную: за 9.55 frs. — 1 livre. Дороговато!

Сделал, как ты, с луком и картофелем: держал 2 часа. И на завтра хватит. Доел груши. Остались сливы и дыня.

Горе мое в том, что не могу долго сидеть. А чтобы что-нибудь делать, надо непременно посидеть. Потому так медленно. Ну, много сил взяло сегодняшнее объяснение Аввакума.

Во сне видел Бирюльку <Э.М. Каплун-Walden>.

Не понравилось мне, как вчера П<елагея> И<вановна Чайковская-Терещенко> о Ширяеве говорила: не хочет встречаться, п<отому> ч<то> знает, что он очень нуждается, а помочь ей (деньгами) нечем.

Так и про нас с тобой говорят. Чувствую всей душой.

Ну, до свидания, лапусичек мой.

12-ть часов.

А прежде — до 4-х сидел.

Или уж это возраст?

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 20 на 21 VII

№ 5

Дом вроде театрального зала. Идет постройка.

Делают в полу окнища матовые. Аросев. Ты показываешь, как плетенку из шелка волосатую, небольшой кусок — «это хорошо, как грелка!» Тут и Терещенко М.И. и Пильняк.

Какой-то разговор, но слова погасли.

Мы в узкой комнате. Это наша комната. Одно окно. В соседнюю комнату дверь, за дверью живут. Очень тесно, темно, хотя окно большое и пусто. Вползает Бирюлька и прямо к той двери, приотворяет, просовывает пакет и что-то пищит.

Я очень рассердился:

Можно — говорю — и с того хода, зачем же отсюда!

И я как стукну по столу, и пропала.

Paris 1924

22 июля

Mardi

23 среда

24 пятн<ица>

25 суб<бота>

26 воск<ресенье>

27 понед<ельник>

28 вторн<ик>

№ 51

№ 6

Деточка, тебе от Фриды Лазаревны <Шрейбер>.

Они выезжают в воскрес<енье> — 26-го. Приедут — 28-го (вторн<ик>). Попросят задержать комнату в Hôtel Méridional, 14 Rue Trézel, XVIIe. Я посмотрел где: это, как ехать к Вальтеру остан<овка>: Clichy и оттуда еще надо вверх по № 5. 2-ая остановка Brochant (к Porte Clichy). Я бы мог в воскресенье вместе с Ширияевым проехать туда. Пишут: точно о дне приезда сообщат. Я не знаю, это нужно накануне, верно. Надо просить бы привести чего-нибудь нашего из Берлина. К сожалению, К. Розенберг нет сейчас в Берлине. Я всё о весах думаю. Сообрази, и напиши мне, как поступить.

Как поступить, сообрази: (письмо от 20 получ<ено> 22-го).

И еще тебе от Над<ежды> В<асильевны> Балаховской: стариков-то нет, просит тебя и меня в субботу 25-го. М<ожет> б<ыть> *не надо обижать*, пройти мне (а ты — к Буае поехала экстренно).

(у меня еще соображение:

наверно, будет старшая Бах, которая пока обещает только с помещ<ения> в газетах перевода — м<ожет> б<ыть>, следует и еще и еще испытать) как ты думаешь?

А мне: Шклявер, который уезжает 27-го.

Зайдет к нам, принесет гонорар. Я ему написал, чтобы с Диксоном.

Да, видел во сне, м<ежду> прочим, под самый под конец, будто мне рекомендуют какую-то даму с приставными ногами и руками — и получаю письмо от сестры Извольского Витали — возраст ее, наверно, как Лимона <Н.В. Лимонт-Иванова> — переводчица — ее рекомендует Шклявер. Вот и обо всем надо поговорить со Шклявером. Ездил в 2 час<а> к St. Sulpic<e>у. Получил от “Plon” 1000 frs.: 900 — это на квартиру, а 100 взял. Завтра иду в Чешское посольство к Шифриным (я не скажу, что ты уехала). В консульстве всё узнаем.

(М<ежду> пр<очим>, всякие наши движения известны в Праге в Комитете тамошнем вспомоществования).

Это я сужу по письму Долмата <Лутохина>.

Меня очень смущает насчет комнаты: куда обратиться? От Лятского <sic! Е.А. Ляцкий> нет ответа. Попробую завтра спросить. «Анну Ивановну» кончил. Завтра еще раз буду переписывать. И начну другое.

Стало теплее: спал со ставнями. А пишу с открытым окном.

Наша всё полы натирает. И моет.

Днем очень морило. А сейчас ничего. Ты, деточка, будь осторожна: до волдыря загорать не полагается.

Сегодня получил твое второе письмо от 20.VII.

Нет, деточка, я боюсь один ехать, да и растрясусь, ведь еще Карлсбад предстоит. Когда-нибудь вместе поедем.

Да, насчет холода, надо подумать — ведь и в Карлсбаде та же будет история.

Осторожнее купайся.

Адрес не забудь наш написать на чемодане.

Ну вот, лапулек, мой дорогой, до свидания.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 21 на 22 VII

№ 6

Для «регистрации» надо пройти через доктора — получить свидетельство. Этого все добиваются. Иду и я, а впереди Сергей Р<емизов> и Ида <Рюккерт-Ремизова>. Они очень быстро пробрались в приемную, и я шел медленно: это очень высоко: лестница винтовая, но широкая. А когда я поднялся: С<ергей> мне сделал знак: я понял, что мне не нужно ждать, и я могу идти. И пошел и попал не на ту лестницу. Только, когда я спустился, я ясно понял, на какой высоте я находился и по какой лестнице спускался: я посмотрел вверх и увидел — лестница без перил совершенно вертикально без всякого наклона, а высота — 7-ой или 8-й этаж. А тут говорят про меня, что я спускался, вытянувшись и глядя прямо перед собой и с быстротой необыкновенной. Вроде вокзала — Gare d'Orsay. Тесно без людей. Кто-то подводит какую-то даму и представляет мне. Похожа на бабищу, но вся составная: я замечаю, что ноги приставные и руки приставные.

И пальцы ее составные, как отдельные.

“La voyage au pays de la quatrième dimension”. Согласны?

G. de Pavlovski.

<наклеена открытка с городским пейзажем>

Paris 1924

23 июля

Среда

№ 52

№ 7

Деточка, тебе — от Миррлис <Helen Hope Mirrlees> открытка: «скучаю за вами». Больше ничего. Видел во сне Марков Карловичей <супруги М.К. и Э.С. Вольфсон>. Реку, церковь, Пасху, зелень.

Пасмурно сегодня и ветер хороший. Говорят, что это с Океана.

Был в Чешск<ом> консульстве. Надо им точно сказать, когда едем. Только зная точно число, они напишут в Германское консульство.

В пятницу или в субботу пойду в полицию, чтобы отсрочили: 25.VII + 15 = 9 августа. И тогда уж нужно решить и, реша <sic!>, идти в Консульство.

Можно было бы решить на 5-ое вторник (St. Abel).

Надо заранее билеты взять, чтобы получить с плацкартой.

Буду ждать от тебя решения, и тогда бы в понедельник 27-го с утра (с 10-и ч<асов>) всё бы сделал: 1) чешское посольство 2) консульство 3) германское пос<ольство>.

Если бы не успел, то 28-го во вторник с визами кончил бы, а билеты можно в среду-четверг. Надо узнать, с какого вокзала.

Отнес Шифрину книгу «Сны» и «Петушка». Поили меня чаем. Я думал получить денег. Нет — ничего.

А в 12-ь с Ширияевым ели.

Ну, что ж не телятины съел с картофелем и это стоило 8 frs. и кофе.

Гораздо выгоднее дома. Куплю теперь *veau*, une *bonne livre de veau*.

Это, значит, кусок.

Когда говорят “une bonne heure”, — 4 часа или 5, как хочешь.

Начал начерно другой рассказ.

Думаю, лучше переписывать при тебе.

Почерк у меня сегодня Наташин: что-то опять с рукою, но выше — это плечевой нерв. Йодом на ночь помажу. Но ты не беспокойся, это так же, как не так давно было: ломит. Или это непогода. Или натрудил.

Чтобы не утомить руки, буду писать начерно.

Относительно Шрайберов <sic!> (задержать №), сделает Ширияев.

Деточка, а что Катруся (Нина Мавлютина) крикнула, когда у нее сделался припадок?

Приходили Оля-Наташа <О.В. и Н.В. Черновы> с Аукой <А.В. Чернова>. Лисевна <О.Е. Чернова> еще в Чехии. Хотели тебя дождаться: я сказал, что ты у Каварских и, может, ночевать будешь. Добивались адрес Бретани, «куда хотела ехать С<ерафима> П<авловна>». Я сказал, что не знаю.

Напоил их чаем.

Рассказывала Аука о Праге.

Лисевна хочет ехать с нами из Чехии.

А мышка наша пропала, больше не показывается.

Ну, до свидания, деточка.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

22 по 23

№ 7

Католическая церковь круглая. Пасха. Против алтаря хоры очень высокие. Каким-то особым составом вымазаны шесты: если притронуться к живописи — расцветут цветы.

Нас много, а среди знакомых Марк Карл<ович Вольфсон> и «Монашонок» <Э.С. Вольфсон>. И вот тронули шестью стены, и как повалит дым с огнем. Страшно перепугались и вон из церкви.

А на воле — зелень. И река. Сделаю плотик на реке, а к нему ведет дорога вся в зелени. Напоминает Ammersee. И опять монашонок и М<арк> Карл<ович> путаются среди толпы.

Paris 1924

24 июля

№ 53

№ 8

Деточка, Бог нас не оставляет: приходил Schloezer, принес 100 frs. — это аванс от Шифрина за «Сны», 2 часть которых будет напечатана в альманахе. Потом из Лондона из журнала “The Slavonic Review” за “Gone out” («Изошел») £ 2,16 (2 фунта 16 шиллингов). Фунт сегодня — 85,25. Это чек. Не знаю, завтра справлюсь, где получить.

Тебе писем не было, а мне — от тебя № 3 от 23.VII. и от Фонтенуи <J. Fontenou>: пойдет в субботу.

Так вот так сделаем: завтра я пойду в Префектуру. И уговорюсь с Ширяевым. На вторник (29) в Консульство: вместе решим точно, когда ехать. В воскресенье я проеду на вокзал к 4-м ч<асам> дня, и вечером могу — или лучше мне выйти постоять на улице вечером после 11-и. Это, чтобы тебе помочь чемодан.

Руке сегодня легче. Опять смажу йодом и приму аспирин, это помогает. Вечера стоят очень холодные: может, я простудился. Ведь вот наказание какое! Весь день писал, наверно: отчетливо. Ровно трудно.

А блохи, д<олжно> б<ыть>, это сейчас их пора: они женятся.

А мне по солнцу даже хорошо днем приехать на вокзал. Конечно, я к Балаховским не пойду. Потом что-нибудь выдумаем написать им.

Сейчас купил телятины, только мне почему-то и костей дали — 2 косточки ни к чему. В воскресенье я, пожалуй, тоже телятины сделаю и хлеба куплю: если вернешься днем, проголодаешься в дороге, тут тебе и будет, чего поесть.

Я не поджариваю, а иногда отворяю и соком поливаю: это очень хорошо.

Шлецер заходил на ½ ч<аса>. Больше никого не было. Никто меня не прерывал. И я сегодня много сделал. Главное: непрерывность — чтобы развивать мысль. А когда прерывают, всё начинай сызнова — самый ход, строй.

Твоим (слова Зин<аиды> Павлов<ны Максимовой>) очень воспользовался.

Слова в «» очень драгоценны.

Во сне видел книги.

Ну вот, лапусичек дорогой, до свидания.

А.Р.

А вчера Адя <А.В. Чернова> рассказывала, что, действительно, прекращают стипендии в Праге, и потому разъезжаются. И Антонов приехал, помнишь, дурак такой.

Деточка, нет ничего, что Аввакума кончит. Ведь там было мало, как изгонял бесов. Очень Haggison просила: ей надо кончить перевод до 1-го августа. И надо воспользоваться присутствием Святополка-Мирского. Мне было это трудно без тебя. Очень напрягался.

Заплатил за электричество с 26 апреля — 27 juin — 26 frs. 95 есу.

***

<запись сна на отдельном листе:>

С 23 на 24

№ 8

Умер Сергей <С.М. Ремизов>.

Николай <Н.М. Ремизов> говорит:

Всё обыскали, есть стол, ну хоть чтобы, ничего не нашли — ни одной рукописи.

А такой большой прилавок и на нем томов с 20-ь книг в белых обложках — французские.

Это я выставил — получил I-ую премию.

И не знаю, что делать, хорошо, что не понимают по-французски. Ведь это же всё не мое. А если обнаружится?

25 июля

½ 9-го у<тра>

пятница

Сейчас получилось твое письмо от 24.V. (четверг)

Боюсь, Шрейберам писать уж поздно, попробую. Я приду на вокзал в воскресенье к 11-и вечера. В воскресенье с Ширияевым проеду, куда пишет Шрейбер — это очень далеко.

Руке гораздо лучше. Одна открытка — от Миррлис.

Paris 1924

25 июля

пятница

№ 54

№ 9

Деточка, это письмо пошлю, а завтрашнее сберегу: как приедешь, так и подам.

Я ведь всё прибрал, и думаю, не стоит всего выставлять, а что понадобится, то и выну. И все шкапы заперты, и твоя щетка, и коврик.

Мышка перекочевала ко мне: бегаёт, как тень. И нечего есть, так войлок, что под дверью, теребит.

Приходил вечером Chklaver <Г.Г. Шклявер> с Dixon'ом <В.В. Диксон>: в воскресенье уезжают, один в Савойю, другой в Бордо. Принес гонорар — 180 frs.

10 frs. отдавал за автомобиль, неловко было брать.

Ходил сегодня в префектуру с помощью Ширияева.

(Надоел он мне хуже горькой редьки — Господи, языка-то не иметь, сколько тут всякого примешь терпения и смирения!)

Всё опять снова. И анкету писал. Только твоей подписи не надо. В понедельник надо идти получать. И тогда уж в Чешское консульство.

Понимаешь, надо *точно* сказать день отъезда.

Ели на St. Michel'e. Бифштекс. И после я много чай пил. Д<олжно> б<ыть>, масло какое-нибудь. Вообще неприятно.

В воскресенье сговорился: поеду на Trésel, куда Шрейбер хочет — даль ужасная. Спрошу (с помощью Ширяева). Если там никакой «кухоньки» нет, о которой говорили Шрейберу, то лучше всего взять, где мы одну ночь провели. Вообще и в этих краях есть комнаты теперь, только полное незнание Парижа может загнать человека <в> такую даль (XVIIe ar<rondissement>).

Переписываю. Помешали. Сейчас уж 1 ч<ас> ночи. Долго сидели.

Вот видел зверей во сне — змеи и головастики. Вот это к чему.

Холодно, деточка, очень: неужто фуфайку надевать?

Шклявер показывал телеграмму от Рёриха: переводит 1000 frs. для этой девчонки, Вас. Вас. Вот, наверно, довольна будет.

Ну, до свидания, деточка.

Рука совсем хорошо — отдохнула. Сегодня за день, йодом мазать не буду.

О Ширяеве так пишу за то, что вопросы задает. Я ему сказал, чтобы меня не спрашивал. Вопросы пустяковые все, конечно. Сам пускай болтает.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

24 на 25

№ 9

Вхожу в старообрядческую церковь в трапезную, там слышно пение. Кто-то, похожий на Муратова и с ним Гершензон.

— Вот, я подумал, Гершензон тоже в церковь ходит!

Впритворе сделана площадка и вроде козел: перепрыгивают. Перепрыгивают страшные звери: змеи, но на лапах и очень понятливые рожицы. Все небольшие головастики, а есть и совсем маленькие. И все потом убегают в «пещеру», на которой свечи горят.

На шею у меня <1 сл. нрзб.> платок арабский, который Залкинд из Палестины прислал.

Paris 1924

26 июля

№ 55

№ 10

Деточка, ничего: ни тебе, ни мне.

Диксон получил по чеку — 250 frs. 50 еси за £2 — 16 —

Приходил Fontenoy. Я ему растолковал слова.

Всё время пишу — переписываю.

А представь себе, деточка, мышка-то какая умница: это она без тебя меня сторожила. Я ее никому не выдал:

Наташа спрашивает: что это, как будто мышшь или это в глазах.

Нет, я говорю, это в глазах.

А вчера Шклявер: мышшь.

— Ну, вот, говорю, откуда тут мышам быть.

А сегодня мышка ушла — не показывается: знает, что ты завтра приедешь, и ушла в норку — отслужила.

Ну, подумай, как я ее прогоню, если явится вдруг?

Ну, вот, деточка,

Хочу раньше лечь, а то после в 1, а в 2-а. А.Р.

Рука больше не болит.

Дождик-дождик — и холодно стало опять, а утром — такая влажная теплынь была.

***

<запись сна на отдельном листе:>

25–26. VII

№ 10

Стеклянная комната. Над<ежда> Павлович. А за стеклом ты спишь. <1 сл. нрзб.> Ремизова, очень похожая на Ауку <А.В. Чернова>, вынула из несгораемого шкапа тетрадь — это она написала.

Еду куда-то, сижу очень низко, почти на земле, на мне всё серое.

И вижу, что это бревно на одном колесе.

И еще со мной какие-то едут.

Смеются: это железнодорожное.

И я увидел канаты.

Вот, если бы Сергей Яковлевич <Осипов>, не так бы еще прокатили!

Сегодня такое чудесное утр<о>, такой полный влажный ветер и тепло.

Paris 1924

27 июля

№ 56

№ 11

Деточка, только одно письмо: от Аркиной из Норвегии — которую рекомендовал Алданов. Пошлю завтра «Крестовые сестры» и немецкий пер<евод>.

Какое горе: стал сухарики делать и опять рука заболела.

Купил сегодня “une bonne livre”.

Я думаю, фунта два. Смеялись.

Это я всё в разные мясные хожу, чтобы со всеми познакомиться и испытать, где лучше.

Всё сейчас спрятанное выставил, восстановил, как было. Утро всё переписывал.

И сейчас бы сел, и «Демонстрацию» писать стал бы, да придет Ширяев, ехать, Бог знает куда, о комнате справляться.

А.Р.

***

<запись сна на отдельном листе:>

26–27. VII

№ 11

Собрание в подвальном зале вроде столовой на Миллионной во дворце В<еликого> к<нязя> Владимира Александровича.

Очень много народу. Протискиваться приходится. Говорит архиерей молодой в красном (вишневом) облачении. Потом показывает ноги-ступни:

Это всё большевики сделали!

Обнажение очень неприятно.

Я подумал: «врет, ведь, пожалуй!».

А Александр Иванов, «присмиранный»: Вы о большевиках скóса!

Тут вышел и Карташов <sic!> с женой.

Я протиснулся к выходу и попал в другое собрание: там Милюков. Сидят вокруг стола тесно. Доклад кончился.

И поели. Мне предлагают — ветчины. Я отказываюсь, но беру. Ветчины я не ем, а гарнир с листиками. И ухожу. Прохожу по коридору мимо прилавков. И вижу Поляков-Литовцев догоняет с ветчиной же: я взял и подумал: «там отказался, а тут взял».

И Алек<сандра> Мих<айловна Полякова>. И их племянник: большой квадратный, а говорит, как машина внутри, «электрическое пианино».

Мы в вашей новой квартире. С<ерафима> П<авловна> занимается. А я с этим.

Он меня страшно раздражает своим механическим голосом. Я его стал выпихивать за дверь, а он, как пружинный. И вижу, обиделся. Я его оставил.

Всё это в том огромном подвальном помещении: и собрания и наша новая квартира.

И опять народ идет, как в архиерею.

Но это вроде бала.

Танцуют. Много пар — и все должны танцевать. Я стал раздеваться. И полураздетый пошел. Тут Познер сочувственно ко мне.

Я, — говорю, — понимает, — не желаю принимать участие!

Eger. 11 и 12 September 1924

<надпись на отдельном листе>

Eger 1924

11 сентября

№ 57

<На открытке с видом Староместской площади в Праге>

Стою у кассы. Сейчас 11. Через ½ ч<аса> поезд. Выпил кофе, холодный. Раз 20 вспомнил Я.С. Шрейбера. Если бы не Prager Presse, и тебе пришлось бы тащиться. Всем без анкеты. Только для русских с “certificat”. Когда же, наконец, мы будем ездить по-человечески? Как вот эти, которые были соседями в вагоне — в длиннейшем пути Personenzug’а.

Хотел писать, но всё вышибало. Нет, тут винить их напрасно.

Только досадно.

Ну расскажу подробно.

Но, деточка, как это всё не нужно. А.Р.

Eger 1924
12 сентября
№ 58

<На открытке с видом Eger. Unterer Markplatz m. Stöckel>

Только сейчас отпустили. Осталось $\frac{1}{2}$ часа. Едва вышло. Опять “Fehler”. Ты должна 2 анкеты подписать. Но это не моя вина. Встретил русских. У них тоже “Fehler”. Только для русских анкета и подожди.

Дорогой пробовал писать о «Пруде». Так мало видел.

И жаль, что не был в церкви — беззвучно выйдет.

Ну, пойду кофе пить.

Хорошо, что так кончилось.

А.Р.

Paris 1924
6 октября
№ 59

Деточка, кланяюсь тебе! Не сердись, Бога ради:
я поставил коврик сушить, он наклонился к камину и целый кусок обуглился.

Я этот кусок отрезал, деточка, не сердись!

Я знаю, и так всё, а тут и это —

но кусок небольшой.

А.Р.

Литература

Белый А. Ракурс к дневнику // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды / Сост. А.В. Лавров и Дж. Мальмстад. М.: Наука, 2016. С. 329–654.

Богомолов Н.А. Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 41–82.

Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 12–37.

Грачева А.М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья первая): Судьба ремизовского «Музея игрушек» // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215.

Грачева А.М. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Прага: Narodni knihovna CR, 1995. С. 330–337.

Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М.: НЛЮ, 2004. С. 391–455.

Любимова М.Ю. Пражские контакты Бориса Григорьева и Евгения Замятина // Борис Григорьев и художественная культура XX века. Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004. С. 101–114.

Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С. 349–367.

Обатнина Е.Р. «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. СПб.: Росток, 2018. С. 36–45.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е.Р. «Я душа человечья...» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. С. 574–611.

Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена, П.У. Мёллера. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. 81 с.

Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 944–974.

Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подгот. текста, сопроводительная статья А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 272 с.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.

Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 36–91.

«...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

Хьюз Р. Из писем П.П. Сувчинского к А.М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 759–770.

Keys R. New light on Remizov's first novel, *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // *Slavonica*. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

Manouelian E. Aleksei Remizov and Vladimir Dixon // *James Joyce Quarterly*. 1992. Vol. 29. № 3. P. 557–563.

Robinson A. The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford: Oxford University Press, 2002. 332 p.

Smith A. Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s // *A people passing rude: British responses to Russian culture* / Ed. A. Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 175–188.

Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926 // *Oxford Slavonic Papers*. 1995. № 28. P. 62–97.

References

Belyi A. Rakurs k dnevniku [An aspect for the diary]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi: Avtobiograficheskie svody* [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely: Autobiographical codes], comp. A.V. Lavrov and J. Malmstad. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 329–654. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Pis'ma Z.N. Gippius k A.I. Tiniakovu [Z.N. Gippius' letters to A.I. Tinyakov]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no. 1–2, pp. 41–82. (In Russ.)

Gracheva A.M. Aleksei Remizov i Pushkinskii Dom: (Stat'ia pervaiia): Sud'ba remizovskogo "Muzeia igrushek" [Alexey Remizov and the Pushkin House. Part 1: The fate of Remizov's "Toy Museum"]. *Russkaia literatura*, 1997, no. 1, pp. 185–215. (In Russ.)

Gracheva A.M. Literaturnye kontakty A. Remizova i E. Liatskogo. Prazhskii period [Literary contacts of A. Remizov and E. Lyatsky. Prague period]. *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdru dvumia mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy provedeniia issledovaniia. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov: Mezhdunarodnaia konferentsiia. Praga, 14–15 avgusta 1995 g. Sbornik dokladov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the two world wars. Results and prospects of research. Collections of the Slavic Library and Prague Archives: Int. Conf. Prague, August 14–15, 1995. Proc.]. Prague, Narodni knihovna CR, 1995, pp. 330–337. (In Russ.)

Hughes R. Iz pisem P.P. Suvchinskogo k A.M. Remizovu 1920-kh godov [From P.P. Suvchinsky's letters to A.M. Remizov of the 1920s]. *Na rubezhe dvukh stoletii: Sb. v chest' 60-letii Aleksandra Vasil'evicha Lavrova* [At the turn of two centuries: A collection to the 60th anniversary of Alexander Vasilievich Lavrov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 759–770. (In Russ.)

Istorii "novoi" khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete "Glavnogo": Iz "dnevnikov" T.N. Gippius 1906–1908 godov [Stories of "new" Christian love. The Merezhkovskys' erotic experiment in light of the "Main Thing": From T.N. Gippius' "diaries" for 1906–1908], intro., ed. and notes M. Pavlova. *Erotizm bez beregov*.

Sb. statei i materialov [Eroticism without shores. A collection of essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)

Keys R. New light on Remizov's first novel, Prud (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House. *Slavonica*, 2004, April, vol. 10, no. 1, pp. 62–65. (In English)

Liubimova M.Iu. Prazhskie kontakty Borisa Grigor'eva i Evgeniia Zamiatina [Prague contacts of Boris Grigoriev and Evgeny Zamyatin]. *Boris Grigor'ev i khudozhestvennaia kul'tura XX veka. Materialy III Grigor'evskikh chtenii* [Boris Grigoriev and artistic culture of the 20th century. III Grigoriev proceedings]. Pskov, 2004, pp. 101–114. (In Russ.)

Manouelian E. Aleksei Remizov and Vladimir Dixon. *James Joyce Quarterly*, 1992, vol. 29, no. 3, pp. 557–563. (In English)

Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo serediny 1920-kh godov [D.P. Svyatopolk-Mirsky's unknown letters of the mid-1920s], intro., ed. and notes A.B. Rogachevsky. *Diaspora: Novye materialy. II* [Diaspora: New materials. II]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)

Obatnina E.R. "Ia dusha chelovech'ia..." (Novaia proza Alekseia Remizova: 1918–1929) ["I am the soul of man ..."] (Alexei Remizov's new prose: 1918–1929). Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. II: Zga* [Collected works. Vol. 11: Zga]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2015, pp. 574–611. (In Russ.)

Obatnina E.R. "Rossiia v pis'menakh": sovetskaia korrespondentsiia v emigrantskom arkhive A.M. Remizova ["Russia in Letters": Soviet correspondence in A.M. Remizov's émigré archive]. *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi: sb. st. i publ.* [Literary archive of the Soviet era: A collection of essays and publications], ed. N.A. Prozorova. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp. 36–45. (In Russ.)

Obatnina E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naiia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova i V.Ia. Briusova k O. Madelungu [A.M. Remizov's and V.Ya. Bryusov's letters to O. Madelung], comp., ed., intro. and notes P. Alberg Jensen and P.U. Möller. Copenhagen, Rosenkilde and Bagger, 1976. 81 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova k D.A. Lutokhinu (1923–1925) [A.M. Remizov's letters to D.A. Lutokhin (1923–1925)], publ. E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 944–974. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vechernei zare". Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. ["At the Evening Dawn". Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922], intro. and comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 7, pp. 46–81. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vechernei zare". Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. (okonchanie) ["At the Evening Dawn". Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922 (conclusion)], comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 8, pp. 8–67. (In Russ.)

Remizov A.M. "Na vechernei zare". Glava iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1923 ["At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923], comment. E.R. Obatnina, ed. E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 36–91. (In Russ.)

Reznikova N.V. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove* [Fiery memory: Memories of Alexei Remizov], ed., intro. A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)

Robinson A. *The Life and Work of Jane Ellen Harrison*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 332 p. (In English)

Smith A. Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s. *A people passing rude: British responses to Russian culture*, ed. A. Cross. Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 175–188. (In English)

Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky. 1924–1926. *Oxford Slavonic Papers*, 1995, no. 28, pp. 62–97. (In English)

“...s Vami beda — ne perevesti’”: Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) [“...you are the awkward one — untranslatable”: D.P. Sviatopolk-Mirski’s letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

Varzhapetian V. “Isповед' antisemita”, ili K istorii odnoi stat'i: Povest' v dokumentakh [“Confession of an anti-Semite”, or On the history of one article: A tale in documents]. *Literaturnoe obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 12–37. (In Russ.)

Alexey Remizov

“At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924

Commentaries by Elena Obatnina
Editing by Elena Obatnina and Anna Uryupina

Abstract: The article presents the continued publication of the chapters from A.M. Remizov’s manuscript “At the Evening Dawn” (1943–1948), based on his letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello. The chapter devoted to 1924 contains the plots of the writer’s life which are related to the problems of his assimilation into Russian diaspora in Paris. The daily correspondence between the marrieds consists the names of Remizov’s closest friendly circle, a chronicle of his works, the nature of relationships with publishing houses in emigration, translators, representatives of French literature and Slavistics. The recent chapter is accompanied by the historical and literary commentary to the manuscript with out-of-print archival materials that are introduced into scientific use for the first time. The article also contains a comprehensive scientific bibliography which is at the up to date level of study of the realities of author’s private life, his work and also of the historical process features, which are mentioned in Remizov’s texts. The Appendix contains the original letters of Remizov that makes possible to evaluate his methods of transforming the

epistolary documents into a fiction and to analyze the author's strategy in his work on autobiographical texts. The publication is illustrated with rare archival materials.

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary heritage, archival materials, history of emigration

Information about the authors: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna Uryupina, PhD, curator of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (State Literary Museum), Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com

Citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924, comment. E. Obatnina, ed. E. Obatnina and A. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 45–108. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-45-108